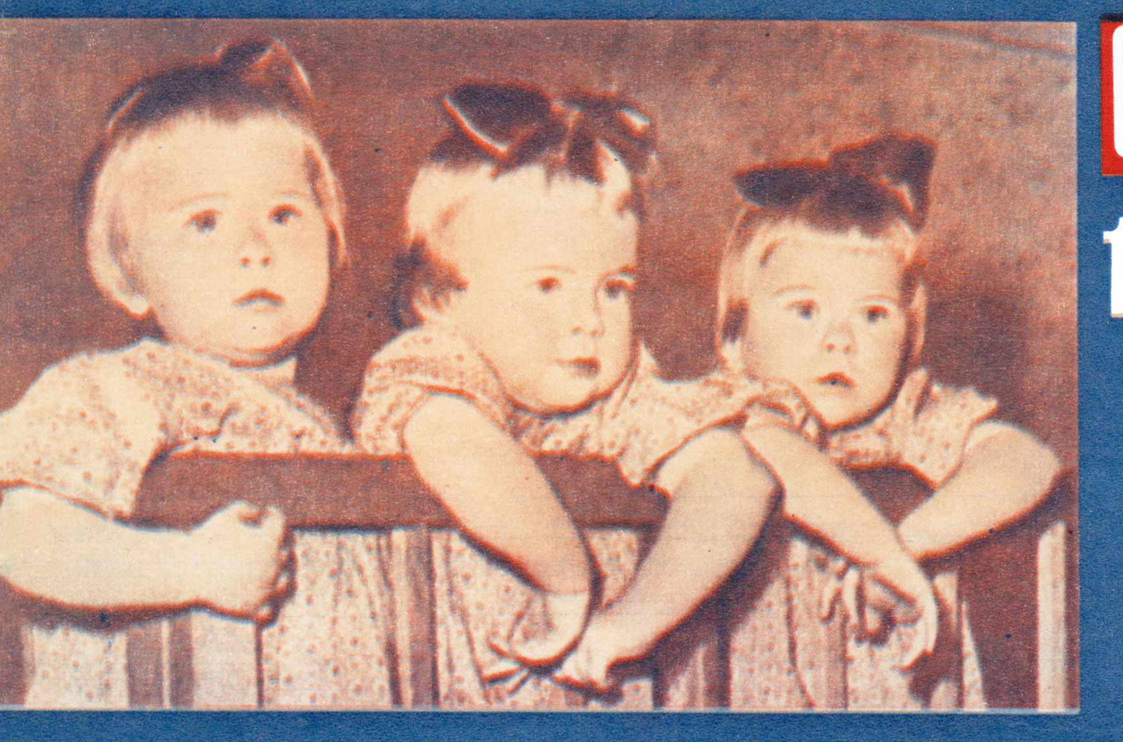

ОГОНЕК

1955

1960

1970

ОБГО

ОТВЕЧАЮТ

КАКОВ ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ПАМЯТНЫХ ДЛЯ ВАС ДНЕЙ ЗАВЕРШАЮЩЕЙСЯ ПЯТИЛЕТКИ?

2

ЧТО ДАЛА ПЯТИЛЕТКА ВАМ, ВАШЕЙ СЕМЬЕ, ВАШИМ ДРУЗЬЯМ?

3

1971-Й — ГОД СТАРТА ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ. КАКОВЫ ВАШИ ПЛАНЫ НА БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ?

Павел Петрович Лецкий

Фото Н. Ананьева

НЯЮЩИЕ ВРЕМЯ

НА ТРИ ВОПРОСА «ОГОНЬКА»

Лидия Кононенко.

Фото Н. Козловского.

Идут последние дни года 1970-го, последнего года восьмой пятилетки. На страницах газет мелькают радостные вести: пятилетку выполнили... Выполнили города-герои Москва и Ленинград, выполнила Российская Федерация, выполнили республики, области, края, предприятия отраслей индустрии. Восьмая пятилетка сдает трудовую вахту девятой, сдает не по календарю, сдает задолго до первого января.

«...УЖЕ СЕЙЧАС МОЖНО С ПОЛНЫМ ОСНОВАНИЕМ ЗАЯВИТЬ, ЧТО ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПОСТАВЛЕНЫ НА ЭТУ ПЯТИЛЕТКУ, СОВЕТСКИЙ НАРОД УСПЕШНО ВЫПОЛНИЛ».

С чувством большого удовлетворения, гордости читали советские люди эти слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым 29 ноября на торжественном заседании, посвященном 50-летию Армении и ее компартии.

Народ наш приветствует героев заканчивающейся пятилетки, ее правофланговых, тех, кто, обгоняя время, дает Родине сверх плановых заданий, намеченных XXIII съездом КПСС, нефть, металл, уголь, станки, машины, хлеб, молоко, обувь...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2269)

26 ДЕКАБРЯ 1970

ОБГОНЯЮЩИЕ ВРЕМЯ ОТВЕЧАЮТ

1

Каков один из наиболее памятных для Вас дней завершающейся пятилетки?

—НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНЬЕМ!—

утверждает Павел Петрович ЛЕЦКИЙ, Герой Социалистического Труда, судосборщик Ленинградского судостроительного завода имени Жданова.

1 Трудную задачу вы передо мной поставили! Столько знаменательных дней было, что и не знаю, кому отдать предпочтение. Судите сами: к столетию со дня рождения Владимира Ильича наша бригада выполнила свое пятилетнее задание, сдала последнюю секцию для корабля-сухогруза. Знаменательный был день, правда? А вот и еще один, тоже памятный. Во время съезда профсоюза судостроителей делегаты возлагали венок к Мавзолею В. И. Ленина. Это было поручено мне... И, наконец, еще один день завершающейся пятилетки, который не изгладится из моей памяти, тот день, когда мои товарищи, рабочие нашего завода, выдвинули мою кандидатуру в депутаты Ленинградского городского Совета... Так какой же из этих дней выделить особо? Просто не знаю. Все они были для меня одинаково радостными и значительными.

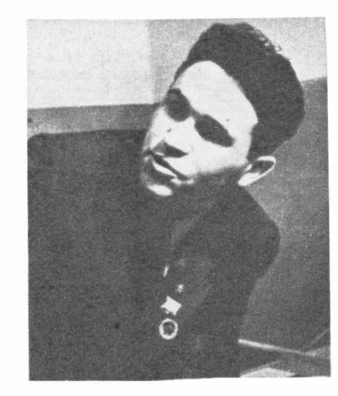
2 С пятилеткой связано в моей жизни многое — события общественные, и личные, и, так сказать, семейные. Родина высоко оценила мои трудовые усилия. Мне было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Можете себе представить радость семьи, товарищей по заводу и, конечно, мою собственную радость.

Тут же вскоре родилась внучка Люда, а потом и внук Антон. Особенно торжествовала в ту пору моя мать, Лукерия Борисовна, 83-летие которой недавно отметила наша семья.

Порадовал нас в этом пятилетии мой сын Леонид. Настал его черед охранять Родину в рядах Советской Армии. Ко второму году его службы мы узнали: сыну присвоено звание сержанта, он назначен командиром танка, получил несколько благодарностей командования и отмечен знаками классного специалиста.

3 Какие же планы могут быть у рабочего человека? Трудиться еще лучше, строить суда в девятой пятилетке еще более качественные и дешевые. В восьмой пятилетке наш цех удвоил выпуск изделий и в то же время уменьшил число работающих на двести человек. А в девятой мы постараемся добиться еще более высоких экономических показателей. В общем, будем работать так: не числом, а умением! Задел-то мы нашему заводу уже приготовили. Еще за шесть месяцев до наступления 1971 года цех завершил пятилетку, сдал последние секции нового судна и тут же начал обеспечивать корпусной и стапельный цехи необходимым заделом на первый год девятой пятилетки.

—ВСЕ ДНИ УДАРНЫЕ,—

говорит Михаил КАЛАЦКИЙ, прораб стройцеха совхоза «Красная звезда».

1 Я, собственно, не помню дней в завершающейся пятилетке, которые не были бы отмечены трудовым накалом, поиском нового. Так было во всей стране, так было и у нас в совхозе. Итог говорит сам за себя. Совхоз перевыполнил пятилетний план по производству мяса, молока, зерна, картофеля, выполнил задание по выращиванию и реализации племенного скота — для нас это особенно важно, потому что хозяйство племенное.

А самый памятный день был в

2

Что дала пятилетка Вам, Вашей семье, Вашим друзьям?

—ГЛАВНОЕ— ЭТО ДРУЖБА,—

считает Лидия КОНОНЕНКО, ткачиха Дарницкого шелкового комбината.

1 О, это был даже не день и не час, а минуты. Те минуты, когда я впервые переступила порог нашего комбината. Для меня, вчерашней одиннадцатиклассницы из Канева, это было первое настоящее большое событие в жизни. За порогом заводской проходной осталось детство, здесь, в цеху, начался труд в дружной рабочей семье.

Хотите — верьте, хотите — нет, только цех наш я полюбила сразу. Слышите: весь он до краев наполнен ровным, мощным гулом. И движутся, движутся сотнями лент то сверкающие блеском белизны, то расписанные причудливым рисунком шелковистые ткани. Нитка к нитке, нитка к нитке. Так постепенно рождается ткань. А иногда я прикидываю: на сколько же километров протянется та шелковая дорожка, что я соткала на восьми станках-автоматах за четыре года, в которые выполнила свою личную пятилетку? Да, пожалуй, километров на двести, а то и больше! Нет, я не хвастаюсь. Все мои товарищи работают отлично, и я очень рада, что не отстаю от них.

2 Взгляните, вон висит наша цеховая «молния», специальный выпуск. По какому поводу специальный? Мы поздравляем Тамару Остапчук и Катю Миколенко. Обе они только что вышли замуж. Так у нас всегда. Все праздники — и общие и личные — вместе празднуем, и это наша большая радость — дружба.

На нашем участке ткацкого производства много девушек работает. И у каждой были в пятилетии свои события, свои перемены. Галя Панькив в Москве побывала, на съезде комсомола. Этой осенью она стала студенткой. Комбинат наш послал ее на учение в институт легкой промышленности. И Зою Меходуй тоже. А Надю Шевченко приняли кандидатом в члены партии.

А вот о самом знаменательном событии в своей жизни Лида Кононенко нам не сказала. Но мы-то уже знали, какое оно, это событие. Лиде присвоено звание лучшей ткачихи комбината. Почетное звание, очень немногим его присваивают. Имя двадцатидвухлетней девушки из Канева занесено в книгу почета предприятия...

3 Не должен человек жить только сегодняшним днем, без мысли о будущем... Я вот собой недовольна. Чтобы дать комбинату больше, чем я даю сейчас, нужно учиться. Надо было заочно в институт поступить, ведь нам все условия создали: вуз-то у нас свой, при комбинате. И мое задание самой себе на последующие пять лет — поступить в институт и окончить его. Других планов пока что не строю.

НОВЫЙ ОБЛИК ДРЕВНЕГО ТБИЛИСИ

показывает Иван Ноевич ЧХЕНКЕЛИ, архитектор, заслуженный деятель искусств, председатель Союза архитекторов Грузии.

1 Пожалуй, это был один из августовских дней нынешнего года, когда плод напряженнейшей работы всей нашей группы архитекторов, экономистов и инженеров — генеральный план развития и реконструкции города Тбилиси — был представлен на суд общественности и утверждающих инстанций.

Конечно, Тбилиси и раньше развивался не стихийно. Планы-то были, но они устарели, они не учитывали и не могли учесть прогрессивных идей современного градостроительства. Нам надлежало организовать новый архитектурный облик города. Мы позволили себе заглянуть на 30 лет вперед и увидели, каким будет наш город в 2000 году. Могу сказать, что он обступит Тбилисское море со всех сторон, что на каменистых склонах возникнут ансамбли, решенные террасами.

Правительство республики утвердило проект. Думаю, что такие дни в жизни архитектора-градостроителя бывают нечасто.

3

1971-й — год старта девятой пятилетки. Каковы Ваши планы на ближайшее будущее?

—ОСНОВНОЕ В ЖИЗНИ— РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА,—

полагает Сергей Никифорович КАЛАШНИКОВ, начальник Центральной лаборатории зуборезных работ Московского завода имени И. А. Лихачева.

1 Трудно назвать какой-то определенный день. Памятных было несколько, и каждый из них — своеобразный итог многолетней работы. Ведь на заводе имени Лихачева я тружусь 40-й год. Здесь и инженером стал и кандидатскую диссертацию защитил. Много времени отдавал рационализации производства. И вот в эту пятилетку мне было присвоено звание заслуженного рационализатора РСФСР. Мои предложения дали заводу 100 тысяч рублей экономии.

2 Рождение нового автомобиля — всегда напряженная, творческая работа. Я принимал в ней участие. Мой труд был высоко оценен: группе моих товарищей и мне присуждены Государственные премии. И третье знаменательное для меня событие — назначение деканом кафедры технического машиностроения. Это в нашем заводском институте, где я читаю лекции.

Основное в жизни — получать радость от своей работы, радость творчества. Эту радость мне и принесло минувшее пятилетие.

Пожалуй, самое главное в семье — дети. В эту пятилетку мои сын и дочь получили высшее образование, стали на собственные ноги. Это, конечно, для родителей знаменательное событие.

3 Наша лаборатория разработала новый метод обработки зубчатых муфт. Применение его обещает большие выгоды. И первая моя задача на ближайшее время — способствовать внедрению этого метода в производство.

Вторая задача более личного плана. Хочу издать книгу о новых инструментах.

1967 году, когда мы сдавали в эксплуатацию ферму на пятьсот голов скота. Ее строительство оказалось для меня очень трудным экзаменом. Рождался крупный современный комплекс, полностью механизированный. Все мы понимали, что это начало нового этапа и в нашем строительстве, и в экономическом развитии «Красной звезды», и в формировании будущего села вообще.

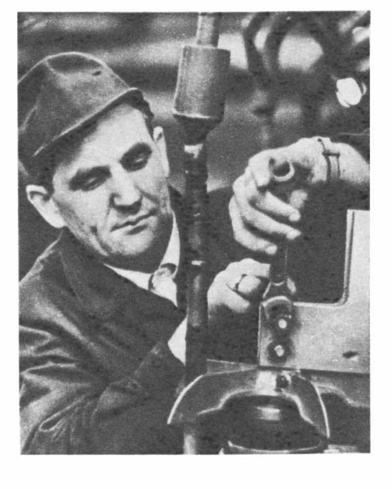
2 Что дала пятилетка мне лично? Прежде всего огромное удовлетворение от той обстановки высокого трудового напряжения, которое царит в стране. Ощущать себя участником больших, нужных народу дел — это большое счастье.

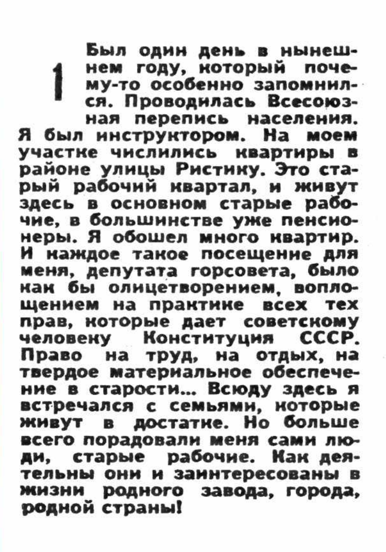
Теперь о моей семье. Тут я снова должен вернуться к трудовой семье всего совхоза. По предварительным подсчетам, он получит в нынешнем году полмиллиона прибыли. Плоды этой прибыли, конечно, ощущает и моя семья (в минувшие пять лет мы получили новую квартиру) и семьи моих товарищей. Повысились уровень жизни и заработки. В домах совхозных рабочих появились телевизоры, газовые плиты, электричество. Для наших деревень это особенно ценно и дорого: у нас, в западной Белоруссии, многие еще помнят коптилки, лапти, избенки с земляными полами.

3 Скажу коротко: работать и учиться. Учусь я в Белорусском институте народного хозяйства. И в общем-то учиться не так уж и легко, потому что дел у нас в совхозе уйма. Начали строить Дом культуры, завершаем комплекс «Механический двор» — в него входят гаражи, мастерские, диспетчерский пункт, нефтебаза. В проектах строительство новых жилых домов. Пора серьезно браться за благоустройство деревень, за озеленение, за дороги. Ну, а в масштабе совхоза — решение главной задачи хозяйства: совершенствование качеств скота.

ВСТРЕЧИ НА УЛИЦЕ РИСТИКУ

вспоминает Март КАНГУР,
заслуженный работник промышленности Эстонской ССР,
слесарь-ремонтник Таллинского ордена Трудового
Красного Знамени электротехнического завода имени Калинина.

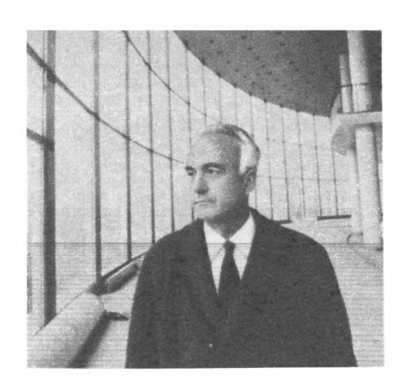
1 Был один день в нынешнем году, который почему-то особенно запомнился. Проводилась Всесоюзная перепись населения. Я был инструктором. На моем участке числились квартиры в районе улицы Ристику. Это старый рабочий квартал, и живут здесь в основном старые рабочие, в большинстве уже пенсионеры. Я обошел много квартир. И каждое такое посещение для меня, депутата горсовета, было как бы олицетворением, воплощением на практике всех тех прав, которые дает советскому человеку Конституция СССР. Право на труд, на отдых, на твердое материальное обеспечение в старости... Всюду здесь я встречался с семьями, которые живут в достатке. Но больше всего порадовали меня сами люди, старые рабочие. Как деятельны они и заинтересованы в жизни родного завода, города, родной страны!

Тот день важен был для меня и другим: я как-то глубже почувствовал свои депутатские обязанности, все — и большие и малые.

2 Здорово вырос за минувшее пятилетие наш завод. Изменилось его оснащение, технология производства. Вместе с ним изменились и мы, рабочие. Вот мне, например, несколько лет назад пришлось поучиться в Москве, в одном из научно-исследовательских институтов. Согласитесь, что подготовка рабочих в научно-исследовательском институте—явление довольно примечательное...

Было у меня и много других радостных событий в этой пятилетке. Меня приняли в ряды Коммунистической партии, избрали депутатом Таллинского горсовета... В завершающейся пятилетке моя семья стала новоселом: завод предоставил нам хорошую трехкомнатную квартиру. И в этой своей радости мы, как говорится, были неодиноки. Мои друзья, Пауль Пихельгас и Олев Паппель, тоже живут теперь в новых домах.

3 Планы мои тесно связаны с планами завода. Он продолжает реконструироваться, производство становится все более сложным. Мне, в частности, предстоит налаживать нестандартное оборудование. А это значит, что надо опять приниматься за учение, проходить новые курсы техминимума. Да и вообще девятая пятилетка, пожалуй, станет для меня порой и труда и учения. Рано, конечно, загадывать, только я вот о чем подумываю. Жена моя, Элле, сейчас студентка Таллинского политехнического института. Не далек день, когда она защитит диплом. Так не податься ли мне ей на смену, в тот же самый институт?..

2 Личная жизнь творческого человека растворяется в его творчестве, и так называемые простые человеческие радости неотделимы от него. Поэтому хочу рассказать об одном маленьком событии, которое произошло вечером, накануне праздника Великого Октября. Включили пробное освещение киноконцертного зала, строительство которого заканчивается по моему проекту. Это будет большая ротонда из стекла и бетона. Я стоял вместе со всеми в толпе и впервые увидел в натуре то, что до сих пор видел лишь в своем воображении. А ведь красиво! Здание будто оторвалось от земли и светилось изнутри, обнаруживая за витражами второй план, интерьер.

3 Надо думать! Думать о том, как нам, архитекторам, создавать благоустроенную среду для труда, отдыха и хорошего настроения, как это сделать лучше, соединив искусство и науку.

О САМОМ ПЕРВОМ ПОЕЗДЕ

рассказывает Али Халилович АЛИДЖАНОВ,
инженер-изыскатель
института Сибгипротранс,
главный инженер
проекта трассы
Тюмень — Сургут.

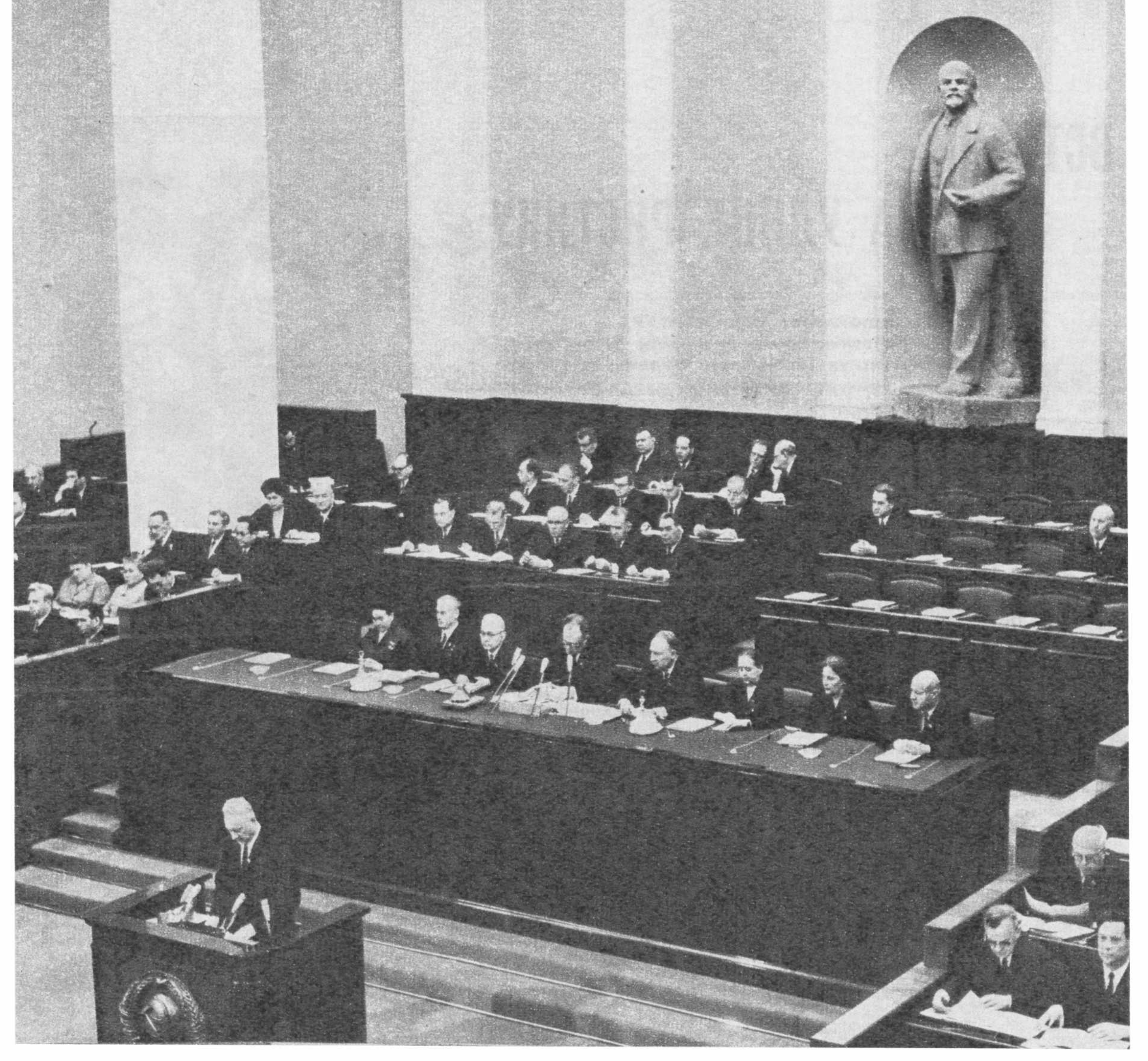
1 Так ясно помню тот день, будто вчера было. 1967-й, 25 октября — открытие участка железной дороги Тюмень — Тобольск. Мы шли к дню своего торжества через годы больших трудностей. Трассу дороги мы рассчитывали в надежде на колоссальные перспективы сибирской нефти. Но многим эти перспективы казались тогда нереальными, а следовательно, и дорога ненужной. Щедро забившие нефтяные фонтаны заставили замолчать маловеров. И вот первый наш поезд вышел на трассу. Всего 217 километров, а ехали мы тогда целый день. Почему? Да почти на каждом километре наш поезд останавливали. Люди выходили прямо на полотно, из небольших окрестных деревень женщины выносили хлеб-соль. Машинист тепловоза дядя Миша давал длинные гудки, но люди не уходили. И мы не могли, не имели права не остановиться хотя бы на минуту... Но самая торжественная встреча ждала нас в Тобольске. Надо сказать, что до того времени с приходом осени Тобольск терял всякую связь с внешним миром. Встречать наш поезд вышел весь город. Речной флот Тобольска выстроился на рейде, приветствуя изыскателей, проектировщиков, строителей дружным хором гудков. Со стен Тобольского кремля ударил праздничный салют разноцветных ракет.

2 В начале пятилетки мы принялись строить трассу Тюмень — Сургут. Это крепкий орешек. Семьсот километров болот, таежных дебрей, бездорожья, отсутствие строительных материалов для отсыпки полотна и недостаточная изученность района. И все-таки все мы буквально влюблены в свою трассу. Потому что она заставляет преодолевать не только трудности, но и самих себя, свои слабости, учит искать нешаблонные решения. Вот пример одного из таких решений. На старых линиях существуют так называемые раздельные пункты — через 12—15 километров стоит домик путевого обходчика, и часто больше ничего там нет. Мы решили такие пункты делать через 50 километров. Железнодорожники сначала запротестовали, но, узнав, в чем дело, согласились. А дело в том, что это дает нам возможность строить в таких пунктах небольшие поселки со всеми удобствами: газ и горячая вода в домах, ясли, магазин, школа. Разве можно обеспечить такие условия для одного домика? А сами путевые бригады оснащаем современными механизмами вплоть до крана и вводим диспетчерскую централизацию по управлению стрелками. По сути, это небольшая революция в железнодорожном транспорте. И вряд ли она последняя на нашей трассе. Мне кажется, что без этой дороги я был бы просто не тем человеком, что сейчас, и, несомненно, многое бы потерял как инженер. Семья моя за пятилетку, естественно, повзрослела на пять лет, дочери этому радуются, а мы с женой слегка грустим...

3 Другими словами, что день грядущий мне готовит? Представьте, он тоже связан с судьбой трассы. По плану в будущем пятилетии мы должны сдать ее в эксплуатацию. А если сейчас на карту посмотришь, то жутко становится, но и увлекательно. Предстоит форсировать Обь и ее рукав — Юганскую Обь. Между ними болота. Придется строить два моста и насыпь, хотя весь переход длиной 32 километра. И уже сейчас идет изыскание трассы дальше — от Сургута до Стрежевого. Очень хочется проехать с первым поездом по всей линии...

НА ТРИ ВОПРОСА «ОГОНЬКА»

ШИРОКИЙ ШАГ ТРУДОВОЙ РОССИИ

В Большом Кремлевском дворце 17—18 декабря работала восьмая сессия Верховного Совета РСФСР седьмого созыва.

Собравшиеся тепло встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, М. С. Соломенцева.

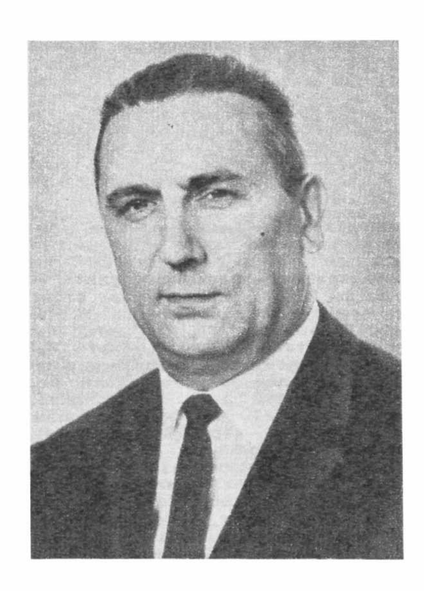
Сессию открыл Председатель Верховного Совета РСФСР депутат М. Д. Миллионщиков. С докладом «О Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1971 год» выступил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана республики депутат К. М. Герасимов. Доклад о Государственном бюджете РСФСР на 1971 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1969 год сделал министр финансов республики депутат И. И. Фадеев.

Сессия рассмотрела также проект исправительно-трудового Кодекса РСФСР и единогласно приняла Закон об утверждении исправительно-трудового Кодекса Российской Федерации, который вводится в действие с 1 июня 1971 года. Утверждены Указы Президиума Верховного Совета РСФСР, принятые между сессиями.

На снимке: Москва. Кремль. 17 декабря. VIII сессия Верховного Совета РСФСР седьмого созыва.

Фото А. Гостева.

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ПОРП Э. ГЕРЕК

Состоявшийся 20 декабря 1970 года седьмой пленум Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии избрал на пост Первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека.

Эдвард Герек родился 6 января 1913 года в Поромбке, Бендзинского уезда, в шахтерской семье. С 13 лет Э. Герек работал шахтером во Франции, а затем — в Бельгии. В 1931 году он вступил в ряды Французской коммунистической партии. Товарищ Герек активно участвовал в классовых боях французских и бельгийских рабочих, в движении Сопротивления в период второй мировой войны.

В 1948 году, возвратившись в Польшу, Э. Герек начал работу в Центральном Комитете Польской рабочей партии. В 1954 году Э. Герек был избран членом ЦК ПОРП.

На 6-м пленуме ЦК в 1956 году Э. Герек был избран секретарем ЦК, на 7-м пленуме в том же году — членом Политбюро ЦК и с 1957 года совмещает этот пост с обязанностями первого секретаря Катовицкого воеводского комитета ПОРП. После IV съезда партии в 1964 году и затем после V съезда в 1968 году вновь избирается в состав Политбюро ЦК ПОРП.

Депутат сейма с 1952 года. Награжден орденом Строителей народной Польши, орденом Трудового знамени 1-й степени и другими орденами.

«Наша партия и советские люди хорошо знают Вас как видного партийного и государственного деятеля народной Польши, искреннего друга Советского Союза, убежденного коммуниста-интернационалиста»,— говорится в приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, направленном от имени ЦК КПСС товарищу Эдварду Гереку в связи с его избранием Первым секретарем ЦК ПОРП.

«ЛУНОХОД

РЕПОРТАЖ ИЗ ЦЕНТРА ДАЛЬНЕЙ КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Полночь. Закончен очередной сеанс. Но сотрудники Центра дальней космической связи и ученые не спешат по домам. В конференц-зале — традиционное совещание оперативно-технического руководства. Сегодня его ведет заместитель Главного конструктора.

Регламент совещания — тридцать минут. Подведены итоги работы. Обсуждены планы завтрашнего сеанса. Завершая сегодняшнюю программу, луноход остановился в 6—8 метрах от очень редкого кратера.

— Такой кратер,— сказал один из селенологов,— встречается на Луне едва ли чаще, чем один на сотню: стенки крутизной около двадцати градусов, остроgranные каменные глыбы, выброшенные с глубины нескольких метров могучей силой упавшего не так давно (около одного-двух миллионов лет назад) метеорита.

На совещании принимается решение сделать стереоскопическую панораму кратера — съемка с одной точки, продвижение вперед на метр и снова съемка той же панорамы. Так будет получена стереопара.

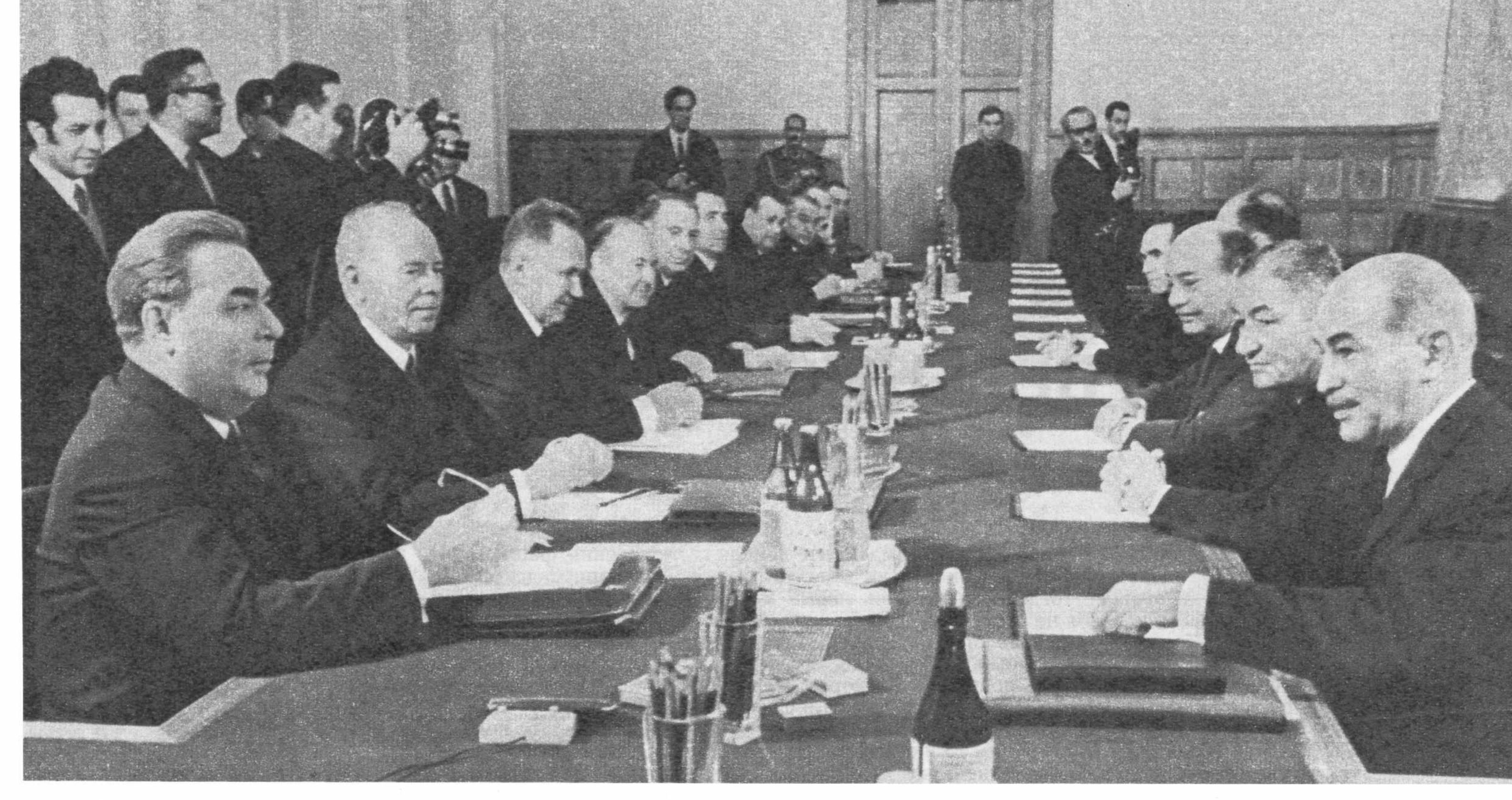
— В этом же месте очень хорошо бы исследовать химический состав грунта,— следует предложение. Возражений нет. Кроме того, намечено «потоптаться» возле кратера и многократно промерить физико-механические свойства грунта. Ну, и, как всегда, будет опрошен рентгеновский телескоп, ведущий измерения между сеансами связи, и будут получены новые данные от радиометра, который сегодня почувствовал мощное дыхание солнечной вспышки.

— Так что завтра, уважаемые коллеги, у нас с вами целиком день науки. Спокойной ночи,— закрывает совещание заместитель Главного.

Приближение Нового года чувствуется и здесь, в Центре дальней космической связи. Хотя простирающаяся до самого горизонта унылая голая степь лишь едва-едва припорошена снегом, и здесь все чаще появляются новогодние елки. Да в общем-то это и не елки, а небольшие сосны. Но по-своему красивые, пышные и украшенные традиционным новогодним убранством, они радуют глаз. Скоро появится елка и здесь, в конференц-зале.

Предновогоднее настроение обычно ощущается не только по суете и хлопотам, связанным с приближающимся праздником. Откровенно говоря, на это здесь просто нет времени. Дело в другом. Я хочу сказать о том радостном, возбужденном состоянии, которое бывает у людей, которым есть на что оглянуться.

Мы стоим с ним у окна в комнате, где находится пульт управления луноходом. «Он» — это Геннадий, один из водителей лунохода, тот самый, что проложил первую лунную колею. Вспоминаем недавний день, когда вдруг перекосилась линия горизонта на телевизионных экранах, когда ленты самописцев зарегистрировали ощутимое снижение токов в моторах колес, а стрелки указателей углов крена и дифферента испуганно от-

20 декабря в Москву прибыла партийно-правительственная делегация Объединенной Арабской Республики в составе вице-президента, члена Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза Али Сабри (глава делегации), заместителя премьер-министра, министра промышленности, нефти и минеральных ресурсов Азиза Сидки, заместителя премьер-министра, министра иностранных дел М. Риада и военного министра М. Фавзи.

21 декабря в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с партийно-правительственной делегацией Объединенной Арабской Республики во главе с вице-президентом ОАР, членом Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза Али Сабри.

В ходе переговоров, которые проходили в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания, между сторонами состоялся широкий обмен мнениями по вопросам отношений между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой, а также по некоторым актуальным проблемам современного международного положения. При этом особое внимание было уделено нынешнему положению на Ближнем Востоке.

С обеих сторон было выражено полное удовлетворение развитием дружественного сотрудничества между СССР и ОАР во всех областях и готовность к расширению и развитию этого сотрудничества.

На снимке: во время переговоров в Кремле.

Фото А. Устинова.

-1»

ТРУДНЫЙ КРАТЕР ☼ ВОДИТЕЛИ И ПСИХОЛОГИ ☼ НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА В КОСМИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ

ползли далеко от нуля. Двадцать семь градусов — таков был крен. Луноход въехал в кратер и остановился на его склоне.

— Как же вы выбирались из этой ситуации? — спрашиваю я его.

— Мы выбирались не из ситуации, а из кратера,— улыбается Геннадий. И вдруг: — Хотите посмотреть? — Он кивает на расположенный прямо под окнами лунодром.— Пойдемте.

Мы спускаемся вниз и подходим к гаражу, в котором стоит земной луноход, родной брат настоящего. Геннадий берет небольшой ручной пульт, соединенный кабелем с самоходным аппаратом, и выводит луноход. Вот и лунодром. Для начала Геннадий предлагает мне самому проехаться по ровному участку. Я волнуюсь, но нажать кнопку — дело нехитрое, и луноход, весело урча, ползет к одному из кратеров. Включаю вторую скорость. Ого! Да за ним надо поспевать. Подъехали к кратеру. Это как раз примерно такой, о котором и шла у нас речь. Геннадий берет у меня пульт и вводит луноход в кратер. Стоп!

— Вот приблизительно что было,— говорит он,— так он стоял. Что последовало дальше? Смотрите!..— Ровно маневрируя машиной, он сначала ориентирует ее носом на центр кратера и затем медленно выводит луноход назад на ровную поверхность. Все? Нет, не все. Геннадий снова ставит луноход в прежнее положение, после чего направляет его дальше вниз. Аппарат съезжает на дно кратера, переползает к противоположному берегу и лихо взбирается по склону.— Видите, так тоже можно было сделать, но мы решили отложить это до другого раза.

То, что все значительное подчас выглядит простым,— мысль не новая. Но в данном случае нельзя не помнить, что экипаж отделяет от лунохода четыреста тысяч километров, что управление ведется по картинке, что на Луне иное притяжение, чем на Земле, другой грунт, другое взаимодействие колес с этим грунтом, что еще многомного всяких «но» и сложностей в управлении этой умной машиной. И неспроста рядом с экипажем неизменно дежурит группа ученых-психологов со своей аппаратурой.

Водители лунохода работают вроде бы абсолютно спокойно. По крайней мере внешне. Ну, а что говорят сами психологи? А психологи, хотя и положено им сейчас смотреть на человека, как на «звено в контуре управления», тоже понимают, что человек не машина.

— Юрий Андрианович, в двух словах, как ребята?

— Могу привести данные по пульсу. Вот, видите, первый день. В момент схода лунохода с посадочной ступени на поверхность Луны у командира экипажа было 110 ударов в минуту, у водителя — 128.

— А как они себя чувствовали в тот момент, когда въехали в кратер с креном в двадцать семь градусов?

Юрий Андрианович переворачивает страницу:

— Командир — 90 ударов в минуту, водитель — сто. Так что, как говорится, положительная тенденция налицо.

...Идут заключительные операции лунного дня, последнего дня уходящего года. Луноход готовится встретить долгую лунную ночь.

В. ЛЕВСКИЙ

30 декабря 1947 года Румыния провозглашена народной республикой. С 1965 года — Социалистическая Республика Румыния.

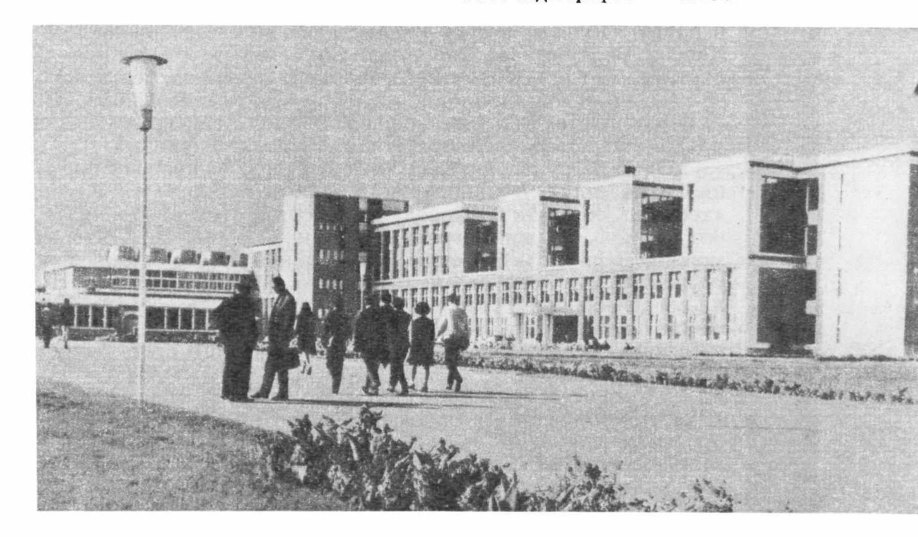
РЕСПУБЛИКА СТРОИТ И УЧИТСЯ

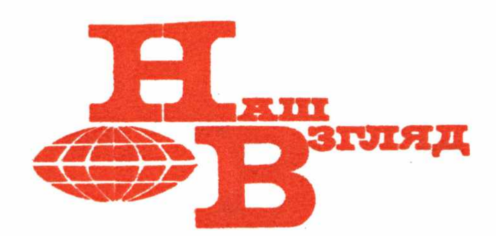
Под руководством своего боевого авангарда — РКП трудящиеся Румынии добились важных достижений в экономическом и социальном преобразовании страны. Созданы современная промышленность и сельское хозяйство. Быстрыми темпами развиваются наука, образование, культура. В стране, где каких-нибудь четверть века назад насчитывалось более четырех миллионов неграмотных, сегодня три с половиной миллиона учащихся. С неграмотностью давно покончено, еще в 1955 году. В минувшем сентябре сели за парты все шестилетние граждане республики. А в 1932/33 учебном году в начальной школе числилось менее половины детей школьного возраста.

Только в высших учебных заведениях республики сегодня учатся 150 тысяч студентов. Почти 20 тысяч человек получили в этом году дипломы румынских университетов и институтов, а экзамен на аттестат зрелости сдали 70 тысяч юношей и девушек.

На снимке: новое здание политехнического института в Бухаресте.

Фото Аджерпресс — ТАСС.

УВЕРЕННОСТЬ

Николай ПАСТУХОВ

Мир был объят войной. К берегам Волги вышли гитлеровские, фашистские полчища. На нашей планете еще никто не ведал о грядущей Сталинградской битве, а в Магнитогорске тогда воздвигались новые могучие домны и мартеновские печи. Этим сообщениям не верили на Западе, называли их «большевистской пропагандой». Когда же Магнитогорск посетил американский промышленник Нельсон, он воскликнул: «Не понимаю! Это чудо!..» Да, до сих пор еще кое-кто в Соединенных Штатах либо не понимает, а скорее всего, не желает понять той жизненной силы нового, которая совершает чудеса в Советском Союзе.

Сквозь зубы процедили американские органы печати о проходивших недавно в Москве Пленуме ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР, которые еще раз наглядно продемонстрировали величие материальных и духовных сил первого в мире социалистического государства, его грандиозные свершения на земле и в космосе.

Так, корреспондент «Нью-Йорк таймс» Бернард Гверцман сопроводил свое сообщение в газете о событиях в Москве словами «по-видимому», «вероятно», «кампания с целью убедить» и т. д. А почему бы Гверцману не сказать прямо и честно американскому читателю, что в течение 1970 года в Советском Союзе будет произведено промышленной продукции почти вдвое больше, чем за все предвоенные пятилетки, выращен самый высокий урожай зерновых и хлопка за всю историю земледелия нашей страны?

Видимо, такие сообщения не входят в планы американской пропаганды. Ведь у читателей могут возникнуть сравнения с той действительностью, в которой они живут. А она весьма и весьма мрачная. Растут безработица и преступность, цены и налоги, увеличиваются бремя военных расходов и плата за медицинские услуги. 90 шансов из 100, заявляет американский экономист Милтон Фридмэн, что США движутся к кризису...

Нет, не злорадство заставляет меня напоминать об этих трещинах в американском больном буржуазном обществе, а чувство симпатии к американскому народу, который в настоящее время переживает величайшую драму. Советские люди искренне скорбят по злодейски убитому выстрелом из-за угла Мартину Лютеру Кингу, студентам, расстрелянным в Кенте, тысячам других жертв полицейского террора и расизма; требуют прекратить преследования славной американской патриотки Анджелы Дэвис; не хотят, чтобы в США росло число вдов и сирот тех, кого бросили в пучину грязной войны на Индокитайском полуострове.

И, конечно же, когда мы пишем об успехах своей социалистической Родины в экономике, промышленности, земледелии, науке и культуре, то этим прежде всего подтверждаем гениальность марксистско-ленинского предвидения, жизнеутверждение социалистического образа жизни. Советский народ рассматривает эти успехи в коммунистическом строительстве как выполнение своего интернационального долга перед рабочим классом, трудящимися всей земли, как вклад в дело укрепления всеобщего мира.

«С гордостью за нашу ленинскую партию и нашу социалистическую Родину,— отмечал Леонид Ильич Брежнев в речи на торжественном заседании в Ереване,— мы уверенно говорим, что внешняя политика Советского Союза, опирающаяся на его экономическую и оборонную мощь,— это могучая сила, которая обеспечивает благоприятные условия для строительства коммунизма в нашей стране, для успешного развития всех стран социализма, служит делу мира и прогресса во всем мире».

Именно эту истину не желают признавать творцы империалистической политики и пропаганды. На нашу борьбу за всеобщую безопасность, на наши успехи в мирном созидании они отвечают доктринами: «сдерживания» — Кеннана, «отбрасывания» коммунизма — Даллеса, «гибкого реагирования» —администрации Кеннеди или, попросту говоря, холодной войной. Международные переговоры о разрядке напряженности и ликвидации военных очагов они рассматривают как игру в покер. Об этом откровенно недавно писал американский военный обозреватель Хэнсон Болдуин. Но Советский Союз вместо блефа предлагает конкретную, реалистическую программу всестороннего развития международных отношений нового типа на основе принципов мирного сосуществования. Однако это не устраивает империалистов. Вопреки здравому смыслу они идут на новые и новые авантюры, разжигают истерию антисоветизма и антикоммунизма.

Один из руководителей идеологических диверсий против мировой системы социализма, плут и манипулятор Збигнев Бжезинский, недавно изобрел новую «теорию», которая проповедует общество «технотроники», где решающую роль, по его мнению, должны играть не люди, а механизмы. Что же, понять Бжезинского можно. Ведь он и его единомышленники больше огня боятся классовой борьбы, убеждаются в том, что человечество отворачивается от Его Препохабия капитализма и обращает свои взоры к социализму. «Теория» Бжезинского — это выражение патологического страха империализма перед всеми революционными, прогрессивными движениями современности, еще одно свидетельство его исторической обреченности.

...Остаются считанные часы до Нового года. Уходит в прошлое славный 1970 год торжества всепобеждающей силы ленинизма. Советские люди достойно отметили ленинский юбилейный год и гордятся своими замечательными трудовыми свершениями. Мы уверенно идем вперед. Грядущее открывает перед нами еще более величественные перспективы. Они будут начертаны XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Свободу Анджеле Дэвис!»

ПА

На скамье подсудимых по обе стороны Атлантики — борцы за свободу: мужественная американка Анджела Дэвис и патриоты Испании. Похожи состряпанные властями обвинения: и Анджеле и молодым баскам приписывается соучастие в убийстве. И в Нью-Йорке и в Бургосе эти обвинения — лишь предлог для расправы над инакомыслящими, над патриотами, над теми, кто борется против несправедливости. «Дело Анджелы Дэвис—это «дело Дрейфуса» 1970 года, исход которого может оказать влияние на судьбу миллионов»,— пишет газета американских коммунистов «Дейли уорлд».

Угроза расправы над Анджелой Дэвис и узниками Бургоса всколыхнула весь мир. Повсюду проходят митинги, демонстрации протеста. С каждым днем нарастает отпор проискам реакции. В Нью-Йорке созданы комитеты борьбы за спасение Дэвис. Небывалый размах приняла кампания за освобождение баскских патриотов.

«Свободу Анджеле Дэвис!» «Свободу патриотам Испании!»,— звучит требование миллионов людей. Как клятву, повторяют они слова Анджелы Дэвис, написанные ею в тюрьме: «Революционная борьба продолжается. Она обретает все новые и новые силы...

Массы... выполнят долг верности по отношению к тем, кто целью своей жизни сделал борьбу за справедливость, равноправие и свободу. Победа будет за нами!»

«Реакционные силы Америки выбрали меня в качестве мишени преследований и травли, потому что я коммунистка и революционерка и вместе с миллионами угнетенных борюсь за свободу».

Из заявления Анджелы Дэвис, опубликованного в газете «Дейли уорлд».

«Я вступил в ряды ЭТА, когда узнал об угнетении, которому подвергается рабочий класс. Баскский народ поднялся против фашистского правительства, потому что он хочет бороться против гнета капитализма и потому что фашистское правительство не способно ни на какую эволюцию».

Из заявления на суде Хосе Абрискета — одного из 16 басков, которых судит военный трибунал в Бургосе.

СВОБОДУ
ТРИОТАМ!

Анджела Дэвис.

Фото ЮПИ — ТАСС, журнала «Фрейе вельт», газеты «Дейли уорлд».

«Освободить патриотов-басков!» — требуют демонстранты на улицах Милана.

«МАРСЕЛЬЕЗА» И «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Жак ДЮКЛО, член Политбюро ЦК ФКП

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

29 декабря исполнится 50 лет с того момента, как заседавший в Туре съезд социалистов решил присоединиться к Коммунистическому Интернационалу. Это был результат большой кампании, организованной по всей стране Марселем Кашеном, возвратившимся из Советского Союза. Ему вместе с Фроссаром было поручено ознакомиться на месте с вопросом о присоединении к III Интернационалу, основанному Лениным в 1919 году. Какая большая проблема вставала тогда? Следовало вынести суждение о поведении Французской социалистической партии в годы первой мировой войны. В самом деле, согласно предвоенным решениям II Интернационала, социалистические партии должны были организовать борьбу против войны. В действительности все партии II Интернационала, за исключением партии большевиков и болгарской партии, скатились к сотрудничеству с буржуазией и выступили за войну до победного конца. Иными словами, они предали решения II Интернационала.

В этих-то условиях и собрался съезд в Туре. Я вспоминаю его так ясно, будто это было вчера. Я входил в комитет по подготовке присоединения к III Интернационалу и действовал в этом духе. Большинством в две трети съезд высказался «за». Решающим вкладом в такой исход, надо сказать, явилась работа, проведенная Марселем Кашеном. Как и остальные социалисты, он был за войну до победы в первом периоде империалистической бойни. Но он дважды побывал в России. Сначала палата депутатов направила его туда вместе с Мариусом Муте и Эрнстом Лафоном для изучения итогов Февральской революции 1917 года. Затем он побывал в Советской России в 1920 году и мог оценить разницу между двумя революциями. Он возвратился убежденный в победоносной силе социализма. Именно с тех пор и до своей смерти он оставался верен социалистическим идеалам. Марсель Кашен оказал огромное влияние на завоевание большинства на съезде социалистической партии. Это было важным событием. Коммунистическая партия родилась. Будучи партией масс, наша партия с первых шагов своего существования столкнулась с трудностями, но она всегда оставалась партией масс.

Одна из главных основ политики ФКП — твердая защита национальных интересов.

Французская коммунистическая партия является подлинно национальной партией. Но в этом, как и в других отношениях, необходимо было добиться известных переломов. Напомним, что партия рождалась в огне битв против шовинистического течения и буржуазного национализма. Для нас, коммунистов, интернационализм и патриотизм дополняют друг друга, и два этих термина не противоречат один другому.

Вот что руководит нашими действиями. Конечно, пришлось внутри партии вести борьбу, тяжелую борьбу против тех, чьи лозунги звали к изоляции партии, против всех, кто хотел сделать из партии опорную силу буржуазии. И не случайно эта борьба сливалась с борьбой за единый фронт. Такой линии мы придерживались, когда в тридцатые годы шли на сражения с фашизмом, который угрожал нашей стране. Небесполезно напомнить, что к тому времени он уже утвердился в Италии, а в 1933 году «новый порядок» установился в Германии. Мы поняли, что надо идти дальше единства рабочего класса, добиваться его союза со средними слоями. Таким союзом стал Народный фронт. Вместо альтернативы: фашизм или коммунизм — массы должны были сделать другой выбор: фашизм или демократия.

В нашем понимании это не застывшая демократия, но находящаяся в постоянном развитии. Верность патриотизму пронизывает всю историю нашей партии и подтверждена, в частности, в ходе второй мировой войны. Когда правящие классы предали национальные интересы, Французская коммунистическая партия возглавила движение Сопротивления, борьбу за национальную независимость и возрождение родины.

Это признал писатель Франсуа Мориак, который, однако, не симпатизировал коммунистам, когда он писал, что «только рабочий класс в своей массе остался верен оскверненной родине».

Мы никогда не противопоставляли патриотизм и интернационализм. Доказательств тому наша история дает предостаточно — ведь Франция была второй колониальной державой в мире. Борьба против французской интервенции в Сирии и Марокко мобилизовала наших активистов. Перед войной нам пришлось также выступать в поддержку народов Индокитая, из среды которых поднималась славная фигура Хо Ши Мина, бывшего одним из основателей нашей партии на съезде в Туре. В послевоенный период мы продолжали защищать правое дело Индокитая, Алжира, всех стран, стремившихся избавиться от колониального ига. И наша борьба еще не окончена.

Наконец, после второй мировой войны, являясь свидетелями развала союзов, маршаллизации Европы, превращавшей нашу страну в подобие сателлита Соединенных Штатов, мы поднялись на борьбу. Все помнят об организованных нами по всей стране манифестациях, в частности против приезда во Францию американского генерала Риджуэя, который приложил руку к применению бактериологического оружия в войне, которую США вели в Корее.

Мы продолжаем поддерживать сопротивление народов Индокитая американскому империализму, борьбу арабских народов против захватнических устремлений Израиля, которому помогают США. У нас за плечами долгая история битв под знаменем интернационализма, в защиту национальных интересов.

Мы поем две французские песни — «Марсельезу» и «Интернационал». Одна, воспевая французскую революцию, является нашим национальным гимном, другая — гимном трудящихся всей земли.

Наша партия помнит, что она возникла, следуя примеру Коммунистической партии Советского Союза, вдохновляясь ленинскими идеями. Мы не забывали также, что СССР превратил социализм из мечты в действительность. И каковы бы ни были превратности истории, между КПСС и ФКП существуют отношения братства и солидарности, которые никто не может омрачить. Нам очень хотелось бы, чтобы все коммунистические и рабочие партии были бы сплочены в совместной борьбе против империализма. Мы высоко ценим усилия для достижения единства коммунистов всего мира.

Я не могу отделить пятьдесят лет своей жизни от жизни партии. И даже больше пятидесяти лет, так как, еще будучи военнопленным, я внутренне присоединился к Великому Октябрю, я, так сказать, взял обязательство перед самим собой и сдержал его. Моя жизнь была жизнью всех коммунистов. Жизнь, наполненная битвами, овеянная великими надеждами, иногда знавшая разочарования, жизнь, в которой много людей становилось в наши ряды, а некоторые покидали нас. Мы знали людей, которые, устав, сходили на обочину дороги. Наша партия подобна живому организму, где одни клетки отмирают, другие рождаются и развиваются. Приходящих к коммунизму молодых, как говорят у нас, восходящих сил неизмеримо больше.

Очевидно, Французская коммунистическая партия не относится к тем партиям, в которые вступают, чтобы преуспеть; это не министерская лестница для людей, гоняющихся за теплыми местечками. Нет, это партия, где многое значит преданность. Вот почему бескорыстность — наиболее привлекательная черта коммунистов. Видеть активных коммунистов, слушать их, спорить с ними — а я регулярно присутствую на заседаниях моей ячейки — это одна из самых больших радостей, которые можно испытать.

Несомненно, наша партия играет все более значительную роль в национальной жизни. У Французской коммунистической партии сегодня иная, нежели вчера, аудитория. Это, разумеется, повышает ее ответственность. Мне кажется, ныне во всех областях и на всех уровнях — от самого скромного до высшего — наши активисты проявляют большое чувство ответственности и показывают пример живой связи с народными массами. Некоторые болтуны называют себя «революционерами», произнося это слово с двумя или тремя «р». Мы, коммунисты, не довольствуемся претензиями на звание революционеров — мы являемся ими.

И мы можем очень спокойно сказать, что в сегодняшней Франции Французская коммунистическая партия — это великая революционная и демократическая партия, знаменосец надежд рабочего класса, народа и нации.

Париж. (Передано через АПН.)

Ю. Павлов (Москва).
МАЛЬЧИК НА БЕЛЫХ ЛЫЖАХ.

Л. Валлимяэ-Марк (Тарту). НА КАТКЕ.

П. Кузмичев (Москва). ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ.

РОЖДЕНИЕ «ИСКРЫ»

К 70-летию выхода первого номера

Над Шушей
 стужей ночь дышала.
Лежал, поблескивая, снег.
Все было — как начал начало,
И у порога — Новый век.
Из этой ссылки, глухомани,
Где отвыкал от света глаз,
Вождь видел битв грядущих пламя...
Здесь мысль об «Искре» родила́сь!

И вот он, «Искры» цех наборный,—
Он в Лейпциге доныне цел...
Вот в кассах — литеры, как зерна
Великих всходов, славных дел.
Здесь Ленин зимним утром хмурым,
Взяв первый оттиск на ладонь,
Не просто правил корректуру,
А корректировал огонь!

Свет «Искры», Лениным зажженный,
Свет мудрых ленинских идей,
Сквозь все заслоны и кордоны
В Россию шел к сердцам людей.
И при свече, забыв усталость,
Читал рабочий человек:
Из Искры Пламя возгоралось,
Земля вступала в Новый век!

Михаил **ВЛАДИМОВ**

Фото Г. Зельмы (АПН).

ОСНОВА ОСНОВ

Репортаж со Второго Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

«Потребность выработать мировоззрение, целостное представление о мире всегда было свойственно человеку. Прогресс современной науки, приводящий ко все более глубокому познанию мира во всех его проявлениях, постоянно изменяет наши представления о деталях картины мира, устанавливает подчас неожиданные связи, рождает многие первоначально кажущиеся парадоксальными ситуации.

Дать подлинно научное философское обобщение достижениям современных наук может лишь материалистическая диалектика».

Из вступительного слова вице-президента Академии наук СССР академика М. Д. Миллионщикова.

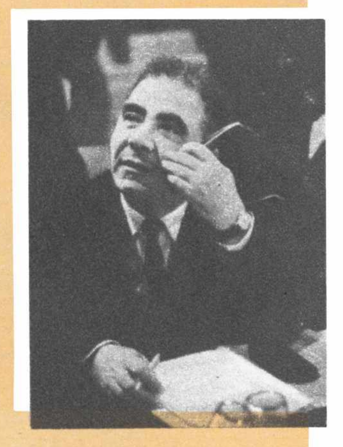
В уютном зале столичного Дома ученых шли заседания. На трибуне физики сменяли философов, биологи — кибернетиков, доклады их и выступления, на первый взгляд, носили сугубо специальный характер, были до предела насыщены философскими категориями и понятиями, а также терминами из многих естественных наук. Но если вслушаться, вдуматься, понять суть и смысл того, что здесь происходило, то становилось ясно, что собравшиеся философы и ученые говорят об очень важных, касающихся буквально каждого из нас вещах. Философия находится в самой гуще жизни, в центре бушующей над планетой научно-технической революции. Потому в выступлениях ученых рядом с философскими толкованиями соседствовали взволнованные речи о практике нашей действительности.

Современная большая наука не может развиваться, не может двигаться вперед без обобщающего философского анализа!

Эта мысль ярко и определенно звучала в выступлениях крупнейших ученых-естествоиспытателей.

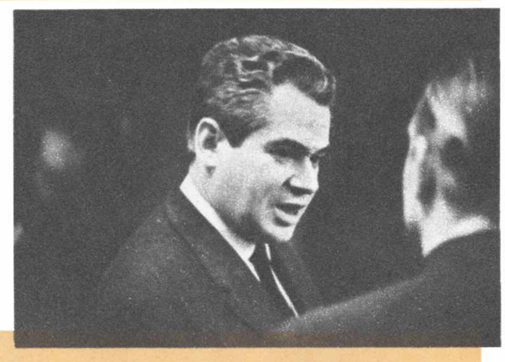
Академик
М. Д. МИЛЛИОНЩИКОВ.

Академик
В. А. АМБАРЦУМЯН.

Член-корреспондент
Академии наук СССР
П. В. КОПНИН.

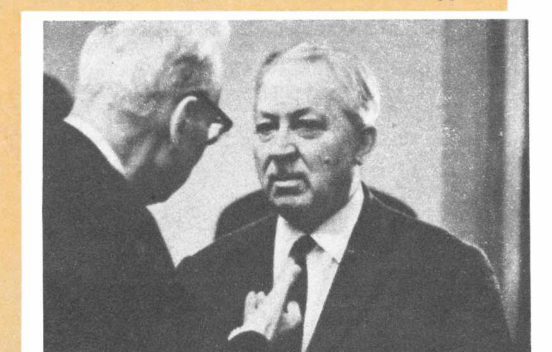
Профессор
Габор **САБО.**

Академик
П. Н. ФЕДОСЕЕВ.

Академик
Б. М. КЕДРОВ.

«Меня лично такое совещание вдохновляет на дальнейшую работу в моей специальной области! — заявил всемирно известный советский астрофизик В. А. Амбарцумян. В своем докладе, подготовленном совместно с кандидатом философских наук В. В. Козютинским, он сказал:—Я хочу подчеркнуть вопрос о роли материалистической диалектики в научном поиске, в системе нового знания. За последние годы всесторонне раскрыта эвристическая роль материалистической диалектики в синтезе современной научной картины мира.

Но философия часто работает и в более конкретных ситуациях: при создании теорий, раскрывающих закономерности сложных явлений на основе знаний фундаментальных законов природы, а во многих случаях даже на эмпирическом уровне исследований».

Сегодня человек действительно берет судьбы природы в свои руки, и потому рассмотрение самых общих проблем отношения с окружающим миром, с природой — вопросы, относящиеся к компетенции философии, приходится обсуждать как проблемы, имеющие чисто практическое значение, без решения которых научный поиск ведет в тупик.

Глубоко философский тезис В. И. Ленина о неисчерпаемости материи волнует сегодня физиков с позиций экспериментальных исследований. Об этом говорилось в докладе члена-корреспондента АН СССР Д. И. БЛОХИНЦЕВА и доктора физико-математических наук В. С. БАРАШЕНКОВА:

«Сейчас появился ряд статей и даже недавно напечатана брошюрка о том, может ли быть конец физики как науки. В этом вопросе есть два аспекта. Прежде всего: исчерпаем ли мы то количество явлений, с которыми имеем дело, не получится ли так, что количество существенно новых явлений ограничено? Если так, то мы могли бы сказать, что физика как наука кончилась. Едва ли с этим можно согласиться. И весь современный и предыдущий опыт науки говорит, что это не так. Думается, что первый аспект совершенно не оправдан. Второй аспект: с течением времени двигаться в глубь материи становится все труднее. Если мы раньше могли проводить эксперимент спичечкой и соломинкой, то сейчас для экспериментов строят целый город, эксперименты стоят миллиарды рублей. И чем дальше мы пойдем, тем будет трудней и трудней двигаться. Но ведь, в сущности, это вообще вопрос о судьбах цивилизации — какие цели преследует человечество? И если считать, что одна из основных целей существования человечества—познание, то человечество будет двигаться глубже! Нет никаких оснований сомневаться в ленинском тезисе неисчерпаемости материи. Высказанная им идея является сейчас, в сущности, программным положением всей физики элементарных частиц.

Вместе с тем надо всегда иметь в виду, что В. И. Ленин, будучи выдающимся философом-диалектиком, подчеркивал, что вопрос знания — это прежде всего вопрос практики; критерий практики здесь является наиважнейшим. Можно сказать, что процесс познания есть превращение «вещи в себе» в «вещь для нас».

Можно сказать, что и атом и атомное ядро уже в значительной мере превратились в «вещь для нас». И мы сейчас присутствуем при том, как и глубины мира элементарных частиц из «вещи в себе» становятся «вещью для нас». Совершенно ясно, что В. И. Ленин в общей форме предвидел именно такой ход развития знаний!»

В своем обстоятельном докладе академик П. К. АНОХИН с позиции марксистско-ленинской философии раскрыл новые направления, связанные с системным подходом в области физиологии высшей нервной деятельности.

Об огромной роли марксистско-ленинской философии в практической жизни народа горячо и взволнованно говорил академик Б. М. КЕДРОВ:

«Вы знаете, как вырастает роль науки, и прежде всего естествознания и техники, в современном обществе в эпоху научно-технической революции.

Громадные материальные, людские и денежные средства затрачивают народы и государства на разработку науки. Управление наукой, планирование, развитие науки — это проблемы первостепенной важности! Это становится актуальнейшей практической задачей. А как можно управлять? Управлять можно только предвидя. Планировать можно только предвидя. А как можно предвидеть развитие науки и техники? Только при знании закономерностей их развития. Если закономерности неизвестны, планирование приобретает характер интуитивный, произвольный, даже субъективный».

Материалистическая диалектика как величайший инструмент познания помогает вскрывать эти закономерности. Однако есть другой берег на водоразделе двух миров, двух мировоззрений, двух идеологий, и там ведется яростная борьба против самих основ нашей философии. Почему? Вот что сказал гость из Венгрии профессор Габор САБО:

«Это удивительно, как в наши дни некоторые «философы» отрицают связь марксистско-ленинской философии и раскрывающих природу, отражающих ее естественных наук! По их мнению, природа не может быть предметом философии. Будто бы философия и наука (понимая под этим и естественные науки) иссле-

В зале во время совещания.

дуют не одну и ту же действительность, будто бы задачей науки является исследование полностью независимой от человека природы, а предметом философии, в свою очередь, может быть только общественная практика.

Противники материалистической диалектики особенно отрицают диалектику в области природы. Зачем такое отрицание?

На этот вопрос возможен, как мне кажется, только следующий ответ: противники материалистической диалектики выступают там, где диалектика осуществляется объективно, выступают против самых глубоких ее основ. Видимо, они считают, что если сумеют отсюда выжать диалектику, то легче будет выжимать ее и из других сфер бытия.

Да, следует говорить о различии природы и общества, но наряду с их различиями существует и единство. Различие и единство переплетаются друг с другом.

Продолжил разоблачение попыток буржуазных «критиков» опорочить основы марксистско-ленинской философии советский философ член-корреспондент АН СССР П. В. КОПНИН:

«Не случаен тот факт, что основная атака противников марксизма в философии, как буржуазных идеологов, так и ревизионистов, ведется сейчас против диалектики. В буржуазном мировоззрении распространяется идея, что наука не подтверждает диалектики. Эту идею в последние годы всячески распространяет известный «марксовед» Зигфрид Мюллер Маркус, подвизающийся в области философских проблем физики.

XX век является блестящим триумфом диалектического мышления в науке. Но возникает вопрос: почему все-таки за рубежом не только удерживаются, а, можно сказать, иногда даже растут сомнения относительно диалектики в современной науке?

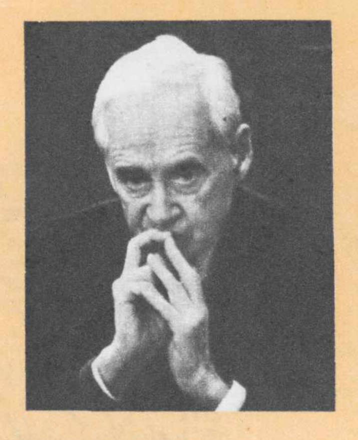
Это объясняется прежде всего буржуазной неприязнью к диалектике. Диалектика внушает страх буржуазии, потому что она несет в себе идею социального переустройства мира».

Четыре дня шел большой диалог между естествоиспытателями и философами. Закрывая совещание, председатель Научного совета по философским вопросам современного естествознания академик П. Н. ФЕДОСЕЕВ сказал:

«Новый подход к исследованию философских вопросов естествознания, расширение тематики исследований и придание ей современного звучания обусловили дальнейшее развитие и укрепление союза советских естествоиспытателей и философов».

Б. МАРКОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Академик В. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ:

«Мы стоим перед лицом огромного расширения фактических сведений, затрагивающих важнейшие стороны существования живого мира.

Число биологических проблем, которые ожидают своего теоретического осмысления и философского освещения, весьма значительно...»

Академик В. А. ФОК:

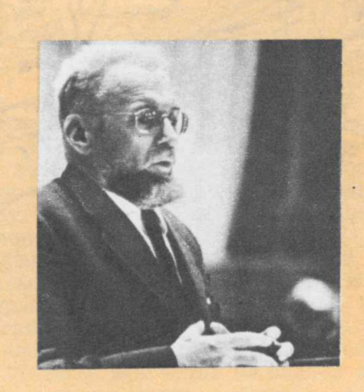
«Квантовая физика, несомненно, представляет собой такое делающее эпоху открытие, которое настоятельно ставит перед учеными новые проблемы теории познания».

Академик А. И. БЕРГ:

«Я считаю, что мы хорошо делаем, когда рекомендуем специалистам по естествознанию заниматься больше философскими вопросами, связанными с проблемами их деятельности и вообще естествознания».

Академик А. Д. АЛЕКСАНДРОВ:

«Теперь, когда в физику вошла общая теория относительности с ее глубоким преобразованием представлений о пространстве и времени, вошла квантовая механика с ее пересмотром основных понятий вплоть до понятия об отдельном определенном объекте (ибо вопрос о тождестве электронов изменяет это коренное понятие), когда мысль о возможности самых «невероятных» открытий и «сумасшедших» теорий стала для физиков обыденной, как и понимание движения физики через ряд относительных истин, через ряд углубляющихся теорий,— теперь то, что писал Ленин, оправдалось и усвоено большинством физиков из опыта их науки».

НЕВСЕРЬЕЗ ЗА СЕРЬЕЗНОЕ...

Геннадий МАШКИН

Рассказ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

Серьезным делом и заниматься надо всерьез. Это я говорю, Афанасий Ильич Угрюмов, который на собственной шкуре испытал, что значит идти в тайгу не по серьезу!

Ружье-то само вещь опьяняющая, как самогон. А кто скажет, что пьяный всерьез думает? Вот и получается, взял в руки ружье, руки зудиться начинают — в кого стрелить? И хочется в живое, теплое пальнуть! Сколько живности расстреляно даже в нашей байкальской тайге без всякой надобности! Летом в кедрачах пропавших медведей встречал. Летом шкура у них изрешеченная паутом, мясо синее — собака не жрет, а стреляют. Наши же охотники, из Байкальского, бывалые, грамотные вроде, серьезный народ. Эх, не научился царствовать человек, к воровству больно тянет!

У нас в Байкальском не один охотник жизнью — здоровьем поплатился за несерьез. А я вроде твердо ружье носил, когда охотничал. Тридцать пять медведей добыл — не оскользнулся. А как решил покончить с этим делом, все распродал: ружья, патроны, порох, свинец... Чистый приехал на прииск.

— Все, сын,— говорю старшему своему,— устраивай на государственную работу, надоело отшельничать.

— Куда же тебя, папаша? — задумался мой инженер.— Под землю или на поверхности лучше?

— Лучше на земле,— отвечаю,— от вольного воздуха трудно отвыкнуть враз.

— Тогда иди-ка ты на бурение! — отвечает Василий мой.— Станки все время у нас на выносе... С тайгой связи не потеряешь, отец!

— А не втянуться б опять в нее? — возражаю ему.

— Ну, будешь вроде как на прогулку выходить,— заявляет мне сын,— рябчат пострелять или что... Стимуляция здоровья и только...

Попался я на это его научное слово «стимуляция», хоть сильно похоже оно на «симуляция». Пошел промывальщиком на буровой станок. А они далеко от прииска, по долинам раскиданы. И тайга своим запахом солярочный дух забивает, шумом ветвистым грохот долотьев глушит. В руках у меня лоток, промывать надо, а я нет-нет да и замру, глядя на гольцы да распадки. А смена кончится, бегу в зимовье, за ружье хватаюсь, патроны собираю, собак испытываю: зачем же пропадает все это зазря?

У всех буровиков что-нибудь да есть охотного; у кого ружье, у кого порох, а кто собаку завел охотничью. Правда, на том и кончилась у них охота. Сам бог сберегает от расплаты за такие игрушки. Из зимовья калачом не выманишь. Разговаривать мастера. Кто когда чего видел, скрадывал да убивал. А дальше дело у них не идет. И ружья-то у них поржавели, дробь — одна мелочь, порох отсырел, собаки зажирели. Вроде как для театра развешаны ружья над изголовьями.

Начал я корить их по-всякому, да разве оторвешь молодцов таких от карт или домино? «Чего же без дела висеть вашим ружьям?» — задался вопросом я. Взял одно, сходил в распадок, другое обстрелял, третье... И втянулся помаленьку в такие похождения. То рябчика принесу для котла, то глухаря, то кабарожку... И думал: сойдет мне такое баловство. Все получилось иначе. Нарвался-таки я на расплату.

Вовек не забуду, как выходил я в тот день на охотку свою. После пасмурного утра солнце взблеснуло. Пустую падь выстлало разноцветным листком — в одну ночь осень пришла. Брусника заалела на склонах, черничник покрыл пригорки черными россыпями, смородина сникла от гроздьев: праздник в тайге — столько разного корма для птиц, зверушек и крупного зверя. Крупный близко не подойдет, а мелочи всякой должно быть много. В самый раз для таких любителей, как мы.

— Рябчика должно быть сегодня! — завожу разговор с парнями.— Весь в нашу падь слетел... Руками брать можно.

— Лучше всего брать его из котла! — отвечает Севка Конопатый, а остальные за ним: — Хо-о-о, гы-и-и!..

Сидят за столом, домино в ладошки посбирали и стучат, аж крошки разлетаются со столешницы по всему зимовью и прямо собакам, прямо в пасти.

— Для чего ж вы ружья-то с собой берете? — стыжу парней.

— Авось, кто привяжет к лесине какую дичь,— отвечает мне Севка.

— А собаки ваши обожрались и нюх всяческий потеряли,— корю игроков.

— Мяса не будет, съедим их,— обещает Севка, и у всех от такой шутки повылетали из горстей черные кирпичики.

— Эх, молодежь, мы помрем, забудете и вкус рябчатины!

— Тогда таблетки появятся разные,— опять тараторит Севка.— На коробочке надпись: «Рябчики», «Глухари», «Сохатина», «Медвежатина»... Выгодно, удобно, безопасно, а дичь в целости, сохранности...

— Ждите таблеток,— заявляю им.— Ботала вы, а не охотники...

Ноль внимания. Только Кирилл Крутых, буровой мастер, у которого в смене я промывальщиком, кудри от домино отнял и крикнул вслед мне:

— К семнадцати ноль-ноль вернуться, Афанасий Ильич, иначе смену отнесем за твой счет!

— И медведя не хватит, чтоб отплатить простой! — добавляет Севка, и опять смех.

— Как будто ни разу не опаздывал,— буркнул я, взял ружье и вышел из закуренного зимовья.

Думал, собаки сами увяжутся. А они пощурили глаза, пощурили, вроде ничегошеньки не поняли и попрятались под нары. Пришлось одну из-под нар тащить под хохот парней. Повязал ей поводок, этой Кукше, и повел от зимовья. А она пройдет шагов пять и повалится на тропу, будто лапы у нее перебиты. По боку ее, по красному, толстому, прикладом — дальше пошла... Через пять шажков снова ноги подкашиваются у Кукши.

Волочил ее, пока стук костяшек из зимовья перестал долетать. А потом еще уводил от звяканья наших станков, пока полная тишь таежная не настала.

— Фу, ты, дармоедка! — говорю Кукше.— Столько сил на тебя ушло, оправдываешь мне их или нет?

Отвязал ее, побежала рядом: все-таки в тайге родилась. Запахи таежные забили в ее ноздрях дух зимовья. Принюхалась она к ветру и нырнула в ближние кусты, закрутилась, стала дальше шнырять. Через полкилометра разыгралась собачонка, огненный комок в тайге. «Тяв-тяв»,— слышу, редкие сигналы подает мне она. Кровь у меня, как после рюмки спирта, по жилам пошла. Ноги, что у молодого, запрыгали по кочкам, камням, кустикам. Во мшаную ямку с водой попал — в кирзовых-то заношенных сапожонках! Вода осенняя до сердца достает! «Перетерпится,— соображаю.— Обходить некогда». Может, Кукша кабаргу поставила на отстой, если не самого соболя загнала, пусть на худой конец и бельчонку! Для старого охотника и это подарок.

Подбегаю к сосенке, под которой бесится Кукша, а на ветке бурундук сидит. Смотрит вниз черными бусинками младший брат тигра и шкворчит на собаку. А та злится, аж летят шишки и хвоя из-под задних лап.

— Так ты кого облаиваешь, дармоедка? — спрашиваю ее и ружьем по пышной хребтине.— Совсем одурела! Ты что же, гонять по тайге зазря меня думаешь? Да я тебя пристрелю, если ты мне такое повторишь, сучка эдакая! Я покажу тебе, с кем ты дело имеешь!

Отскочила от меня Кукша, поджала хвост и трусцой пошла по стланикам.

«Проку от нее, как от козла молока,— соображаю.— Какого там зверя она погонит, если б даже и был он здесь?»

И только успел так подумать, затявкала снова моя Кукша, да так, вроде на крупного зверя вышла. И вдруг завизжала, будто сохатый копытом ее осадил. Слышу, визг по тайге в мою сторону несется.

ЖИЗНЬ

Александр КОВАЛЕНКОВ

Губами милой улыбалась,
Цветком и радугой казалась,
Глаза дразнила синевой;
Волной взлетала и звенела
И стала линией прицела,
Солдатской песней строевой.

Ты пыль дорог, а не пылинка,
России кровная кровинка,
Стук сердца и приказ: «Держись!»,
Часов Кремлевских ход и мерность,
Жар звезд и солнц, любовь и верность —
Всепобеждающая жизнь.

«Нехорошее дело,— соображаю,— еще наведет на меня какого приблудного зверя эта Кукша... А чем отбиваться?! Ни картечи у меня, ни жаканов»... Схватился за нож, а Кукша ударила меня в ноги, как глыба. Осел я и нож из рук выпустил. Вторая глыба на меня накатилась! Не глыба, а глыбища! Здоровый медведь, клочья шерсти на боку выдраны до кожи, видно, во время гона. Злости в нем — из глаз когтей только не хватает. Но на один миг примедлился хищник сообразить, как получилось — гнался за собакой, образовался человек. И я воспользовался — снизу стрелил по глазам. «Хоть ослепить!» Да из такого положения разве попадешь? В живое, верткое, кудлатое!

«Вяв-в-в!..» — будто молонья, выбил ружье из рук. Ухватил он лапами ствол да как охнет об камень ружьишко — ложе во все стороны! Одна щепка мне больно в шею врезалась и вроде сил придала. Пополз я в стланик, да мишка не дал уйти далеко. Поймал сзади, как кошка мышь, затрещала моя роба. «Все! — сверкнуло в глазах.— Отжил свое, Афоня!»

А мишка меня взял в лапы, как хозяйки берут кус теста для пельменей, и давай наминать, и давай. Скрипят мои косточки, но терпимо пока. «Может, помнет да и выбросит? — мыслишка носится в голове.— Надо мертвяком прикинуться...»

Ослабился я, в тесто и сам превратился, признаков жизни не подаю. Слышу, оставил мишка меня, заурчал довольно и куда-то в сторону подался. Захрустел хворостом, зашумел в кустах, понес ко мне что-то. А я боюсь глаз приоткрыть — вдруг поймет, что живой я, обозлится и лоб на затылок сдерет, как бывает с охотниками в таких случаях. Сердцу командую: «Не стучи, замри, уймись!..» И оно, как послушный ребенок, затихло, ни одна жилка, слышу, не бьется ни на руках, ни на лбу, ни на теле. Только мысль жучком-древоедом копошится где-то глубоко: «Что же дальше намерен делать со мной он? Сытый, поди, жрать не станет свежанину, притрусить должен хворостом...»

И как в воду глядел. Снова дых медвежий раздался надо мной. Муравьиной кислятиной завоняло, пропастиной, испарением зверьим. Чуть не стошнило меня тут. Испугался от мысли такой, и все внутри опять омертвело. Да мишка долго не стал надо мной возиться. Кинул на меня охапку хворосту да стланиковых лап, поскребся рядом и зауркал от удовольствия. Слышу, затем удаляться стал мой хищник. «Спасен! — забилось сердце, ровно ожившая птичка.— Выбраться и бежать!.. И ни одна душа даже не узнает, как опростоволосился!»

Расшевелился я понемногу, разбросал хворост и встал. Ноги затряслись, будто бревна таскал целый день. И по телу трясь пошла. Побежал я, а скорости никакой. Но все же ухожу от неладной полянки.

Сквозь кусты напрямки пробиваюсь, хрип из горла летит. Успокаиваться начал: «Ушел! Слава богу!» И тут из-за непросветного куста кедрового стланика мишка мой выкатился!

Я в другую сторону — ныры! Откуда-то прыть росомашья взялась. Да мишка куда ловчее. Нагнал он меня в два счета, повалил и давай снова мять.

Тут уж я на самом деле сознания лишился. Зарябили в глазах рябчиные перья, и решил я: «На этот раз все... Второй удачи не будет, Афоня!..»

Но разлетелась мгла, солнечный лучик в глаза попал. «Где я? Что со мной? Почему давит?..»

Повел глазами — перед самым носом частокол. «Да это хворост,— соображаю.— Опять же хвойные ветки колют и еще колодина!..»

Не понадеялся мишка на этот раз на хворост, привалил меня толстой колодиной. Хорошо, трухлявая береза была: с виду только массивная. Мишка ее по виду и оценил. Если б такое свежее дерево уложил он на меня, ни за что бы не выполз. А так полежал я, пока сил прибыло, осмотрелся из кучи, проломал впереди лазейку и пополз. Кровь на мху и камнях остается, но я ползу тихонько, чтобы шуму не вызывать. Шум страшнее — далеко мой палач услышать может. «Ползти, ползти как можно далее, а потом уж подняться и бежать без оглядки!» — планирую я, а глядеть боюсь по сторонам.

Хорошо отполз я. Солнце в ухо било, переместилось на лоб: раны от когтей сильнее зажглись. Встал я тогда и затрусил по сухому руслу ручья. Стараюсь наступать между камнями, где глинка с илом, чтоб шаг глушился. Да, видно, сил не хватило беззвучно ускакать.

Скатился с обрыва мишка и встал передо мной, как скала, обросшая рыжим мхом. Посмотрел на меня глазками: «Неужто мой сбежал?» — да как рявкнет: «Ры-ы-ы!»...

Ровно колодина я повалился перед медведем. Затрещали в его когтях остатки моей робы. «Теперь уж добьет верняком»,— прошел холодок под лысиной. И посыпались снова рябчиные перья перед глазами.

И вдруг донесся собачий лай до меня, голоса человечьи:

— Афанасий Ильи-и-ич! Ого-го-го!..

«Чокаться начинаю»,— еще одна мысль вертухнулась.

— Угрюмо-о-ов!..

Нет, явственные голоса, а собаки совсем близко. Медведь мой встал на задние лапы, притих и вытянул морду в низовье. Ноздри мишкины дернулись, глаза оловом налились, упал он на все лапы и затрусил вверх.

А я вгорячах поднялся и побежал в противоположную сторону. К своим.

— Парни! Здесь я!.. Сева! Кирилл!..

Собаки на меня выскочили, да тут же раскатились по кустам, точно медвежьей лапы испробовали. Потом очухались и — на меня: шерсть дыбом, зубы — считать можно. Вижу, по запаху разорвут. Давай палку искать. Поднял добрый сучок. Одну хватанул, другую — отскочили... А тут и парни мои выбежали на поляну. У Севки веснушки почернели, Кирилл всю паутину на кудри собрал.

— Дядь Афоня, что вышло?!

— Медведь,— только и выговорил я.

— Так мы и решили; Кукша прибежала и под нары, что-то не то, я говорю, а когда пять пробило, Кирилл скомандовал: «Надо искать, старик нарвался на неприятность!..»

— Как же получилось-то, Афанасий Ильич?

А у меня язык не поворачивается: тяжелый стал. Повис я на руках у парней, передохнул, шепотом объяснил им:

— Невсерьез за серьезное дело взялись... И я и он... мишка...

Иркутск.

«КАК ЖИВЕШЬ, ЗОСЯ?»

История, рассказанная известной советской писательницей Ириной Ирошниковой в повести «Как поживаете, пани Катерина?», а затем в пьесе «Как живешь, Зося?», поставленной Московским драматическим театром имени Н. В. Гоголя (режиссеры Б. Чирков и Л. Геника),— еще одно напоминание о войне с фашизмом.

Двадцать лет заботливо растила и воспитывала пани Кристина приемную дочь. И Зося не подозревала о том, что Кристина ей не родная мать. Не подозревала до той минуты, пока не услышала по радио голос советской женщины — Катерины, разыскивающей свою дочь Татьянку, отнятую у нее фашистами в Освенциме двадцать лет назад. У Зоси на руке вытатуирован тот самый номер, по которому разыскивает свою дочь Катерина. И вот Зося и Кристина приезжают в Советский Союз, в небольшой белорусский городок, где живут Катерина и старший брат Зоси Анатолий. Нелегко пани Кристине, боящейся потерять Зосю — единственного близкого ей человека. Трудно и Катерине: дочь выросла в другой стране, усвоила язык и обычаи другого народа и, главное, очень любит эту женщину, ставшую ей второй матерью...

В конце концов Зося вернется с Кристиной в Польшу, в Краков. Но с кем остается ее сердце?.. Слезы блестят на глазах обеих матерей. И Катерина, превозмогая сердечную боль, встает и идет, раскрыв объятия, навстречу женщине, которая всю свою жизнь посвятила Зосе...

Пьеса не стремится пощекотать зрителю нервы или разжалобить его. Она очень сдержанно, даже вроде бы бесстрастно, раскрывает человеческие судьбы, этим лишь оттеняя тот глубокий эмоциональный и в конечном счете публицистический заряд, который содержится в событиях, происходящих на сцене.

Истинное горе не кричит о себе. Оно мужественно. И актеры, занятые в спектакле, стараются словно бы спрятать поглубже, затаить глубокие и сильные чувства, бушующие в сердцах героев... Катерина, какой рисует ее Т. Чернышева, может показаться поначалу излишне суховатой. Но внешняя суховатость рождена великим мужеством этой женщины, бывшей отважной партизанки. Пани Кристина — Л. Геника — кажется более открытой, более эмоциональной. Она способна на резкие переходы от добродушия к гневу, от радости к отчаянию. Но и в этом характере главное — невысказанные глубины материнского горя и материнского чувства.

Обаятельнейшая Л. Долгорукова заставляет свою Зосю, живущую в счастливом мире, созданном для нее Кристиной, поновому посмотреть на действительность и людей, повзрослеть на наших глазах. Не растеряться перед открывшейся неожиданной истиной, выдержать испытание ею, проявив силу характера, разума, сердца...

Внешне камерный, спектакль обладает большой взрывчатой силой, всем своим содержанием говоря «нет!» войне.

Обращение талантливого прозаика И. Ирошниковой к драматургии, режиссерский дебют на театре Б. Чиркова — все это принесло свой благотворный, творчески радостный результат. Театр имени Гоголя одержал серьезный творческий успех.

Ю. ЗУБКОВ

На снимке: Зося — Л. Долгорукова.

Фото И. Шлугер.

ТЕАТР КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Г. КИНЕЛЕВ,
кандидат филологических наук

Театральные традиции Кубани известны далеко за пределами Краснодарского края. Большую роль сыграл в этом отмечающий свое пятидесятилетие Драматический театр А. М. Горького.

В старое, дореволюционное время своей постоянной труппы в Екатеринодаре не было; состав мелких театриков часто менялся, на сцене шли пьески, незначительные по своему идейно-художественному уровню, большей частью водевили и фарсы с ловко закрученным сюжетом.

Правда, бывали иногда настоящие праздники, вторгавшиеся в серые будни екатеринодарцев с появлением знаменитых гастролеров — больших столичных актеров. Память об их блестящих выступлениях долго сохранялась у горожан.

Кубань — вся — испытывала огромную потребность в театральном искусстве. На имя генерал-губернатора Кубанской области поступало множество писем с просьбой разрешить существование любительских театральных кружков. Такие письма приходили из Екатеринодара, Армавира, Ейска, из станиц Крымской и Уманской...

ПОЛНОВЕСНОСТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. ВАСИЛЬЕВА

В конце 20-х годов в журнале «Сибирские огни» стали появляться стихи, подписанные неизвестным до этого в литературе именем — Павел Васильев. Стихи радовали яркостью и свежестью образов, в них уже чувствовалось рождение своеобразного таланта. От стихов веяло запахом родных поэту степей Казахстана и Сибири, в них чувствовалось дыхание жизни.

Позже, обращаясь к родной земле, вскормившей его, П. Васильев писал:

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

Эти строки лаконично и метко определяют земной строй поэзии П. Васильева, истоки его творчества.

Пятнадцатилетний Павел Васильев отправляется во Владивосток, где поступает в университет. Через год, оставив его, уезжает из Владивостока, живет в Новосибирске, затем — в Омске. Жажда впечатлений зовет юношу в новые края. Он работает старателем на золотых приисках, каюром в тундре, плавает на пароходах и баржах по сибирским рекам. Позже он рассказал о впечатлениях той поры в двух очерковых книгах — «В золотой разведке» и «Люди в тайге».

В конце 1929 года Павел Васильев приехал в Москву и поступил на Высшие государственные литературные курсы. В столице он встречался с крупнейшими деятелями партии и государства М. И. Калининым, В. В. Куйбышевым, видными писателями М. А. Шолоховым, А. Н. Толстым, Л. Н. Сейфуллиной. Эти встречи не проходили бесследно для молодого поэта.

Творческое развитие Павла Васильева в начале тридцатых годов в Москве шло чрезвычайно стремительно. Поэт пишет о людях труда, неиссякаемой силе жизни, о Турксибе, о пробуждаемой родной степи, об огнях новостроек и покорителях Севера. Его девиз — «в скитаньях дальних сердцем не остынь».

При чтении стихов П. Васильева поражает необычная острота восприятия явлений жизни и изумительная живописность

Сцена из спектакля «Плавни». Наталка — А. Кузнецова, Тимка — А. Данильченко.

Фото Р. Стратиевской.

Однако эти письма пугали власть предержащих.

Генерал-губернатор Кубанской области Бабич приказывал 17 марта 1908 года:

«Принимая во внимание, что во многих обществах любителей изящных искусств на устраиваемых ими вечерах происходит чтение специально избранных сочинений, не подходящих по содержанию своему к обстоятельствам настоящего переживаемого времени, с очевидной целью возбудить умы против действий и распоряжений правительства и тем самым способствовать усилению в народе волнения... закрыть общества любителей изящных искусств...»

Только с установлением Советской власти обрели право на существование творческие коллективы. В 1920 году постановлением Кубанского революционного комитета был создан Первый советский театр; возглавил коллектив Алексей Алексеевич Дмитриев, режиссер-коммунист, человек деятельный и высокообразованный.

С тех пор прошло пятьдесят лет. Спектаклем А. М. Горького «Мещане» начал свою творческую деятельность Драматический театр, осуществивший за это время на сцене почти все произведения великого писателя. Продолжая горьковские традиции, театр возвеличивает и прославляет человека труда, его творческую мощь, восставая против всего, что мешает людям жить по-новому.

С первых же лет своего существования краснодарцы заявили о себе как о театре масштабной современной темы. Здесь шли самые интересные, значительные произведения советской драматургии. В разное время здесь работали крупные мастера сцены, вложившие много труда в развитие театра.

В годы Великой Отечественной войны артисты не раз давали спектакли и концерты вблизи передовых позиций и в госпиталях. За большую работу на фронте многие работники театра получили правительственные награды.

После освобождения Краснодара коллектив вернулся в родной город. Здание театра было разрушено, но уже шла подготовка новых спектаклей и ролей... За городом еще гремели орудийные раскаты, когда жители Краснодара смотрели первую послевоенную постановку.

На сцене все чаще появляются интересные спектакли, отмеченные печатью смелого творческого поиска. Таковы «Последние» М. Горького, «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Заговор обреченных» Н. Вирты, «Макар Дубрава» А. Корнейчука...

В сельских районах театр давал спектакли на полевых станах. Вот запись из дневника одного из артистов:

«Сегодня мы в Павловской. Поставив в ряд трехтонные автомашины, раскрыли борта, сделали настил из фанеры, на стойках натянули проволоку и повесили занавес. К импровизированной сцене подвезли движок, подключили театральные прожекторы. Общими усилиями сцена получилась неплохая. А на траве разместились зрители. Было их в этот вечер свыше полутора тысяч».

Сравнивая выездные спектакли, проходившие лет 15 назад, с нынешними, диву даешься, как далеко шагнула вперед наша колхозная деревня. Сейчас коллектив Краснодарского драматического театра дает за год около 120 спектаклей на селе, и все они проходят в прекрасных дворцах и домах культуры. Да и сами спектакли стали более глубокими.

Двенадцать лет художественное руководство театром возглавляет опытнейший режиссер, народный артист РСФСР Михаил Алексеевич Куликовский. Коллектив, руководимый этим одаренным артистом, год от года совершенствует исполнительское мастерство, повышает сценическую культуру.

Генеральную тему театра сегодня определяют пьесы героико-романтического плана, такие, как «Разлом» Б. Лавренева, «Океан» А. Штейна, «Поднятая целина» по М. Шолохову, «Человек и глобус» В. Лаврентьева, «Незабываемые годы» по мотивам ленинской трилогии Н. Погодина...

Театр шефствует над народными самодеятельными коллективами Новороссийска, Темрюка, Апшеронска, ст. Павловской, оказывая творческую помощь руководителям и участникам художественной самодеятельности Кубани. В колхозе «Ленинец», Кореновского района, театр открыл свой филиал, а в колхозе «Советская Россия», Павловского района, театр участвует в работе университета искусств.

Вместе с народом идя к XXIV съезду партии, театр стремится ответить своими постановками на призыв партии быть ближе к жизни, помогать своим творчеством коммунистическому воспитанию трудящихся масс.

«ЗИМНЯЯ БАЛЛАДА»

Человеку, много лет проработавшему в трудном жанре драматургии, всегда хочется познакомиться с произведениями, созданными его молодыми коллегами. Именно поэтому я с интересом шел на премьеру новой пьесы Андрея Вейцлера и Александра Мишарина в Московском академическом театре имени Вл. Маяковского (режиссер-постановщик — известный советский актер Борис Толмазов).

Скажу сразу: пьеса и спектакль мне понравились. То, что подкупает в «Зимней балладе», я бы выразил двумя словами: мужественная чистота. Это действительно баллада, песнь о верности Родине и своей любви.

Многие годы проработал Андрей Северов, герой пьесы, за рубежом. И через все трудности, через все испытания пронес он свое светлое и чистое чувство к Наташе — девушке, с которой Северов познакомился тридцать первого декабря далекого сорокового года. По-моему, и Борис Толмазов и актеры очень точно поняли поэтическую интонацию «Зимней баллады». А мелодичная музыка И. Мееровича, изящные в своей простоте декорации К. Кулешова, точные мизансцены создали ощущение света, молодости...

«Зимняя баллада». В. Шендрикова — Наташа. И. Охлупин — Андрей.

У актера Игоря Охлупина роль трудная. Он должен здесь играть молодого двадцатитрехлетнего парня и уже седого мужчину. Мне кажется, что актер успешно справился со своей задачей: особенно удался ему Северов-молодой. Открытием стала для меня игра Валентины Шендриковой. Ее Наташа прекрасна, возвышенна и в то же время мужественна и проста.

Я заметил, что на премьере никто из сидящих в зрительном зале не остался равнодушным. «Зимняя баллада» заставляет зрителя волноваться — в этом ее заслуженный успех.

Иосиф ПРУТ

образов. Словно сама многоцветная, колоритная природа родных мест подарила поэту свои краски.

Любое знакомое явление жизни он умеет показать с какой-то новой стороны и запечатлеть в памяти читателя художественной силой свежего, полновесного изображения. Образы П. Васильева — земные, объемные, зримые. У него «молотобойцы-пушки», «пулеметы-косари».

Поэзия — мышление посредством образов. Как истинный, самобытный поэт П. Васильев владел этим чудесным даром.

Физическое и духовное здоровье — непременные спутники его поэзии. В простоте и естественности он видит и славит красоту.

Стихотворения П. Васильева составляют примерно третью часть из всего им написанного. Основное же в его литературном наследии — эпические произведения. За пять-шесть лет им написано более десяти поэм.

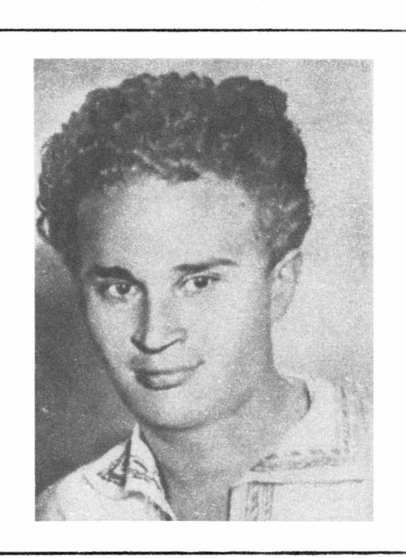
Лучшей, на мой взгляд, по мастерству и художественной правде является поэма «Синицын и К°», повествующая о развитии капиталистических отношений в Сибири.

В поэме «Синицын и К°» в полной мере проявился талант П. Васильева как мастера исторического повествования. Произведение превосходно по лаконичности, меткости и четкости изображения. Язык поэмы по-васильевски самобытен.

Последняя поэма П. Васильева — «Христолюбовские ситцы» — написана в 1936 году и впервые опубликована спустя двадцать лет в журнале «Октябрь». Она была последней работой большого русского актера Михаила Астангова, исполнившего ее в наше время перед многомиллионной радиоаудиторией. В поэме решается проблема творческого пути художника. Автор утверждает, что невозможно стать подлинным художником, выражать интересы народа, не покончив с традициями салонного буржуазного искусства.

Звонко и напористо звучал поэтический голос Павла Васильева. Он горячо любил Россию и ненавидел ее врагов. Если бы не трагическая смерть, всего на 27-м году жизни, он написал бы, наверно, те главные свои произведения, о которых мечтал, к которым «вплотную подбирался»...

М. ЛАПШИН

Ну и вопросы вы задаете, прямо потрясающие! Я не теоретик и никогда над этим не задумывался. Тут для меня все настолько понятно и очевидно, что вроде бы и говорить не о чем. Но давайте попытаемся сформулировать. Более двадцати лет назад, когда я пришел в цирк, были споры (люди ужасно любят спорить): искусство ли цирк? Теперь никому не приходит в голову это оспаривать. Итак, цирк — искусство. Искусство, демонстрирующее все сильное, ловкое, смелое, веселое и находчивое, чего может достичь человек. В человеке же природа заложила колоссальные возможности, и цирк — одно из средств для их реализации. В цирке все свое: драматургия и манера подачи. Цирк—это зрелище веселое, праздничное, ни на что другое не похожее. Его суть — трюк. В театре и на эстраде артист защищен с трех сторон кулисами. В цирке же он—центр окружности: глаза со всех сторон. Даже маститые, видавшие виды эстрадники на арене совершенно теряются. Когда-то я и сам пережил подобное чувство. Первый мой выход на манеж был неожиданным: заболел актер, и мне пришлось его заменить. Нужно было просто выйти и сказать:

— Я вам сейчас покажу фокус, только сначала принесу аппаратуру...

Я выбежал на манеж и замер, не зная, кому говорить. Пока я вертелся и выбирал, в какую сторону сказать свою фразу, забыл текст. На мое счастье, инспектор манежа был человек опытный, сразу понял, в чем дело, и сказал:

— А, я знаю, вы хотите показать фокус и у вас аппаратура за кулисами?

В ответ я мрачно кивнул головой.

— Ну, тогда принесите ее.

Я убежал, за кулисами на меня накинулись артисты, орали, что я балбес, но потом успокоили, подбодрили, и дело пошло. Мы с моим постоянным партнером, теперь заслуженным артистом РСФСР Михаилом Шуйдиным, учились в свое время у Карандаша. Он требовал от нас играть лицом и спиной одновременно.

— Запомните раз и навсегда — публика должна и со спины знать, что вы делаете и что говорите! — наставлял нас Карандаш.

Говорить в цирке тоже не просто — надо знать, где говорить. На манеже есть совсем глухие места: сказал, а тебя никто не слышит. Кричать нельзя, надо сказать тихо. Говоришь — половина цирка смеется, а другая нет. Вот и выбираешь место, откуда всем слышно. Значит, надо еще и акустику постигать. А она в каждом цирке разная...

— По субботам и воскресеньям вам приходится играть по три спектакля. Это, очевидно, очень трудно!

— Да, это несколько утомительно, но в нашей работе случаются моменты и потруднее.

Несколько лет назад в Иванове снимался фильм «Цирковое представление». Снимать номера нужно было в натуре, на зрителе. Через городские организации пригласили полный цирк народу. Предупредили — съемка будет идти с остановками, вы должны так реагировать, чтобы не пропадало впечатление, что идет спектакль. И наши зрители очень старались. Но фильм снимался новой панорамной камерой, и она, как и все экспериментальное, постоянно ломалась. Паузы между номерами безумно затягивались. Мы с Мишей работали коверными и должны были эти паузы заполнять. Режиссер нам говорит:

— Ребята, умоляю, развлекайте публику, иначе она скиснет, и уже ни черта не снимем...

Мы вытащили все, что знали, откапывали в памяти репризы из всех программ, из лет, давно минувших. Потом мы выдохлись и стали показывать то, чего не знали, пошла полная импровизация. Кончилось тем, что выходили и рассказывали по микрофону анекдоты. Это была самая трудная работа в нашей жизни: съемки продолжались целую неделю! Но мы помогли киношникам и еще в одном деле. Они снимали такой кадр: артистка, работающая под куполом, обрывается и летит вниз. В последний момент ее задерживают, и она повисает над публикой, которая перепуганно ахает. Сняли. Потом решили показать все это как бы глазами самой артистки. Подвесили камеру, оттянули в сторону и так отрепетировали ее полет, что она не долетала трех метров до публики. Репетировали без зрителей. Когда же их пригласили в зал, мы с Мишей разыграли сцену, будто хотим поучиться снимать, пока нет никого из киногруппы. Публика, совершенно сбитая с толку нашими импровизациями, все приняла за чистую монету.

Мы сделали вид, что вешаем камеру, и тут Миша вдруг грохнулся со стремянки, мы дико заорали, и вырвавшаяся из наших рук махина (камера была в полписьменного стола) помчалась на зрителей. Народ страшно перепугался — вскакивали, закрывались руками, кричали...

Эпизод снялся отлично, эффект был потрясающий,— перед тем как пустить камеру, мы ее, конечно, включили.

— О клоунах говорят, что они в жизни очень мрачные люди. Так ли это?

— Ну, конечно, нет. У нас, правда, как и в любой профессии, встречаются самые различные характеры, но в основной массе клоуны — народ жизнерадостный. Мы так же, как и все нормальные люди, любим посмеяться над веселой комедией или смешным происшествием. Только мы не смеемся, когда придумываем сами смешные вещи. Тут все идет всерьез, и мы с деловым видом обсуждаем, смешно это или не смешно. И еще не смеемся на манеже своим шуткам. Впрочем, иногда смеемся и на манеже. Причем нас выбивают вещи совершенно неожиданные. Однажды во время номера у моего партнера оторвалась подметка. Он ходил, она хлопала. Первым хохотнул инспектор манежа. И пошло... Номер наш и сам по себе был смешной, но подметка в программу не входила, и поэтому нам стало безумно смешно. А это страшно. Знаешь, что смеяться нельзя, но нет сил сдерживаться, и начинаешь ну буквально плакать. В другой раз нас выбили штаны. По ходу спектакля одному клоуну надевают на голову воронку с водой, и он с ней уходит, ничего не видя. Так вот, когда ему надели воронку, у него неожиданно начали сползать штаны. Публика умирала. Инспектор ему кричит: «Быстрей, быстрей уходи!» А он ему глухо так из-под воронки:« Не торопи, видишь, как сегодня публика хорошо принимает!» Мы все так и покатились...

А бывает и похлестче. Когда мы делали программу «Карнавал на Кубе», я был рыбаком Пипой, Миша Шуйдин — его приятелем, а моя жена Таня в этом спектакле играла шпионку, владелицу кабачка. Мы были заняты вначале, а Таня выходила позже. У нее был очень сложный грим и замысловатая прическа, занимавшие много времени. Мы с Мишей делали свою традиционную репризу «Змейка» — «дрессированная змея» управлялась из-за кулис при

В кольце зрите

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

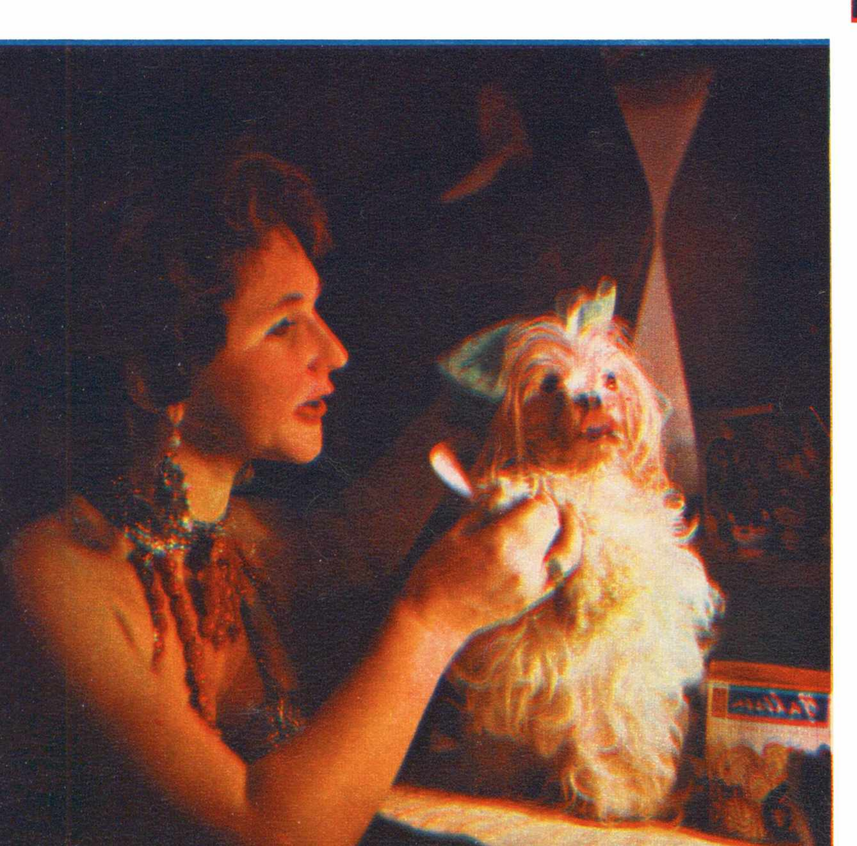

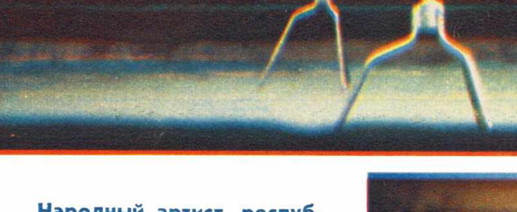
Мы долго думали, чем порадовать под Новый год читателей «Огонька» — больших и маленьких. И единодушно решили, дадим цветную вкладку о цирке: уж его-то любят все. А рассказать о нем попросили народного артиста РСФСР Юрия Никулина, потому что его тоже любят все. Взять у него интервью поручили рядовому зрителю — нашему корреспонденту Ю. Кривоносову, который задал популярному клоуну четыре вопроса. Первый из них был самый что ни на есть банальный:

— Что такое цирк?

Фото А. БОЧИНИНА.

Народный артист республики Юрий Никулин. Комментарии излишни...

●

Нина Бернадская:
— Любовь? Кольцо!

●

Наталья Зезина:
— У хорошей наездницы и собаки скачут.

●

Генриэтта Белякова:
— До медведя тебе, правда, далековато.

●

Юрий Дуров-младший:
— Моника, перестань обезьянничать!

Народный артист республики Юрий Дуров:

— Всяк зверек — на свой шесток.

Соло на одной струне в исполнении Розы Хусаиновой.

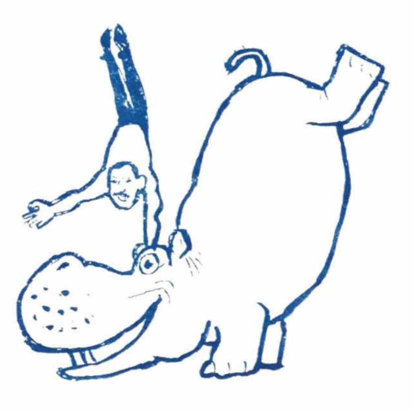

Джаз тяжеловесов.

Три этажа семейства Запашных.

Лола Ходжаева:
— А теперь — танец маленьких лебедей!

Мы ладошек не жалеем...

помощи лески. Когда подходил этот номер, за кулисами по радио объявляли:

— Никулина, сейчас змейка.

Таня, как была недогримированная и недопричесанная, в широченном купальном халате, бежала вниз управлять этой самой змейкой — все равно ее за занавесом было не видно. И вот она стоит, нагнувшись вперед, и вертит леску. А после этого шел номер с яками Тихонова. Короче говоря, один бык отвязался, увидел странную фигуру, разбежался и наподдал Таню.

Каково наше состояние? Змейка прыгает, мы реагируем, пугаемся, публика смеется. И вдруг на манеж вылетает фигура с поднятыми дыбом волосами, лицом-маской, в халате, подвязанном обрывком веревки, и шлепается, как жаба, где-то в середине арены. Мы стоим потрясенные. Змея сразу умерла — никто ею не управляет. Таня вскочила и мгновенно убежала. А вместо нее на манеж вышел бык. Публика ничего не понимает, думает, так и надо... Мы были убиты. Шуйдин от растерянности сделал тросточкой на быка по-тореадорски: «Пу-пу-пу». Бык тупо на него посмотрел и шагнул к нему. Шуйдин исчез. Вышел служащий, спокойно забрал быка и увел. Как доделывалась реприза, уже никто не помнит. Публика так ничего и не поняла. А мы после этого долго не могли нормально работать — как только доходили до этого места, каждый раз давились от смеха.

— Вы побывали с гастролями в двенадцати странах. Как принимает публика советский цирк?

— Видите ли, на этот вопрос не сразу и ответишь. Публика даже в нашей стране очень разная. Есть, как мы называем, цирковые города, где цирк любят и понимают,— скажем, Ростов или Москва. А есть города для нас тяжелые, где цирк доходит трудней. Чем это объяснить? Может быть, климатом—чем севернее, тем цирковой тонус как будто ниже. Так и за рубежом. Но бывают вещи совершенно неожиданные. Например, ехали мы в Швецию и думали, трудно будет: народ северный, суровый, непогоды всякие. Ничего подобного — отличная публика! Ну, Бразилия — страна южная, там все было в порядке. А в Японии мы первое время никак не могли привыкнуть. Уж как-то не по-нашему они реагируют. У нас когда смеются, то смех раскатывается, постепенно затихая. Японцы же словно по команде — ууу-х! — и все. Никакого раската. Из всех зарубежных публик самая цирковая — немцы. Но к ним тоже надо привыкнуть. Мы уже знаем, что одни репризы у нас проходят на ха-ха, а другие на такой небольшой смешок. Так вот там, где ха-ха, у немцев тоже нормальное ха-ха, а где, казалось бы, совсем средние репризы — прямо грохот. Приходится каждый раз привыкать к новому зрителю.

Правда, к некоторым вещам привыкнуть трудно. Был такой случай. Наш цирк работал во Франции. Публика ходила, но не очень — аншлага, скажем прямо, не было. В программе шел аттракцион Буслаева — «Львы на лошади». Обычный для нас трюк — лошади скачут, львы прыгают им на спину и катаются. Но на одном представлении случилась беда — лев начал рвать лошадь. Зрелище, конечно, страшное. Пока дали воду и утихомирили зверя, прошли какие-то секунды, но один фоторепортер успел все это снять. На следующий день появились в прессе фотографии. Подали их очень крупно. С этого момента билеты раскупались нарасхват. Есть, конечно, и не только во Франции, часть зрителей, ходящих в цирк пощекотать нервы, поискать острых ощущений. И поэтому многие зарубежные цирковые артисты вынуждены работать без страховки, каждый день рискуя жизнью. К этому привыкнуть нельзя — мы воспитаны на нашем зрителе, болеющем за актера и переживающем, чтобы не дай бог чего не случилось.

Справедливости ради скажу, что на зарубежную прессу производит большое впечатление вся та техника безопасности, страховочная аппаратура, которую мы с собой привозим. Во Франции, Швеции, Австралии и других странах по этому поводу было написано немало статей, где подчеркивалась гуманность нашего цирка, высоко оценивалась забота о безопасности артистов. «Русские делают правильно, игра со смертью никому не нужна»,— резюмировала одна из газет. Впрочем, бывает и так, что пресса иногда уводит разговор о цирке совсем в другие области. Во время наших американских гастролей, проходивших года три назад, приключилась такая история. В представлении участвовал Иван Кудрявцев со своим знаменитым медведем Гошей. И только начались наши выступления в Нью-Йорке, как тут же появился в какой-то газете фельетон в форме письма к тогдашнему президенту. Арт Бухвальд обращается к нему. «Дорогой Линдон Джонсон,— пишет он,— были ли вы на премьере Московского цирка? Если не были, то зря. Вам стоило бы туда пойти, чтобы посмотреть чудо-медведя Гошу. Как было бы хорошо, если бы вы взяли его к себе вице-президентом. Вы знаете, как он был бы вам удобен! Во-первых, он ходил бы перед вами на задних лапах. Во-вторых, он все время поднимает одну лапу, как бы голосуя за ваши предложения. В-третьих, он ездит на мотоцикле и велосипеде, а это сейчас модно среди нашей молодежи, и тем самым он был бы ей понятен»... И все в таком духе. Мы еще о фельетоне ничего не знали, как вдруг являются репортеры и заявляют, что хотят взять интервью у Ивана Кудрявцева и Гоши.

Ваню окружили, стали пыхать на него и Гошу блицами — сплошное столпотворение. Потом спрашивают через переводчика: «Скажите, вы хотели бы, чтобы ваш медведь Гоша стал вице-президентом?» Ваня глазом не моргнул и, нисколько не задумываясь, заявляет: «Нет, не хотел бы!» Они говорят: «А почему?» «А потому,— отвечает Ваня,— что у вас тут в Америке президентов убивают, а мне Гоша для работы нужен...»

Так что во всякие ситуации нам приходится попадать. И нужно быть находчивым и на манеже и в жизни. Мы ведь не только артисты, но и граждане своей страны, а в зарубежных поездках еще и ее полпреды.

Дорожная тетрадь

Марина ТАРАСОВА

Стихи о северном газопроводе

Мы тянем газ от Мессояхи.
Здесь лишь песцы да росомахи.

Мороз ломает стыки труб.
Наш быт тяжел, наш голос груб.

Сегодня минус пятьдесят,
а завтра — сорок, говорят.

Кругом кромешный мрак и лед.
Едва идем... Но газ пойдет!

Письмо в Норильск

Сегодня радио сказало,
что ночь окончилась у вас.
И так светло мне сразу стало
в ночной московский тихий час.

Я увидала, как жар-птицей
горит заря над комбинатом.
Я увидала ваши лица,
мои бедовые ребята.

В больших ладонях слитки света
несете вы благоговейно.
Уже, наверно, пахнет летом
вода зеленая бассейна.

Я к вам хочу прибыть нежданно —
в новорожденный белый день,
большой, как голос океана,
новорожденный белый день.

Белые ночи

В Архангельске белые ночи,
небо белее, чем снег.
Двина не штормит, не хлопочет,
над нею немеркнущий свет.
Словно по белым сугробам,
ступаю по тихой земле,
но зимнего нету озноба
и памяти нет о зиме.
В такую блаженную пору
на свете живешь не спеша,
простор открывается взору,
становится чистой душа,
как лист непочатый бумаги.
Легко мне идти и дышать,
и сгустки счастливой отваги
в ожившей груди ощущать.

Молния

От берега тихонько отойдя,
пушистые, как молодые цапли,
сияют вербы в теплых каплях
молниеносного дождя.

Не умирает молния, нет, нет,
бесславно в землю не уходит —
во всей распахнутой природе
живет молниеносный свет.

Плес

Я помню юность, август в Плесе,
и перелески, и сады,
и целый день — протяжный, песий
взгляд остывающей воды...

Я пью, как чай, отвар брусничный,
беру лукошко на заре,
солю опята и лисички
и уезжаю в октябре...

На Кинешму уходит катер,
погасла сизая волна.
Ложбины скомканная скатерть.
Начало жизни. Тишина.

* * *

А в Пензе нету Волги —
ошибся спутник мой,
до Волги ехать долго
полынной синевой.

Но ласковым простором,
своей речной душой
мне дорог этот город
с его судьбой большой.

Иду проулком узким,
где старый дом резной...
Мила мне Пенза русской
степенной красотой.

* * *

Ты впился в дорогу слезящимся взглядом,
казалась чугунной рука на руле.
Беда-незадача была с нами рядом,
а Тула далёко — в снегу и во мгле.

Ты, словно почуяв тревогу во мраке,
почуяв предел иссякающих сил,
мне бросил:— Смотри на дорожные знаки!—
и стиснул баранку и скорость развил.

И вдруг тормознул нашу старую клячу
и, дверцу рванув, тяжело побежал
туда, где, раскисшей землей перепачкан,
не в силах был тронуться в путь самосвал...

Я думала: все в моей жизни вот так же.
Все ехали мимо, когда не везло,
лишь ты, молчаливый, помог мне однажды,—
дал трос и протер ветровое стекло.

Три грации.

Высшая математика...

Вся семья в сборе.

Вера! Надежда! Любовь!

В. МОРОЗОВА,
А. НАГРАЛЬЯН

Наш молодой современник! Этот сегодняшний рассказ о тебе, о твоем поколении, поколении семнадцатилетних...

Три сестры — близнецы Вера, Надя и Люба Копыловы — дети потомственных полиграфистов. Они работают и учатся, занимаются спортом и ходят в театры, у них свои радости и свои заботы. В общем, они совсем такие же, как и ты.

Первенец в семье — всегда праздник. А если первенец да в трех лицах, так это уже целое торжество. И можно себе представить, какая радость была в доме молодых супругов Копыловых, когда у них 11 июля 1953 года родилась тройня. И все девочки! Событие это тут же затмило славу их близких родственников, похвалявшихся сыновьями-двойняшками.

На семейном совете постановили: зваться дочкам — Вера, Надежда, Любовь.

Родительское счастье щедро переплелось с заботами и сложностями — Лариса и Юрий Копыловы в ту пору были студентами, а от лекций, зачетов и экзаменов студенту, как известно, деваться некуда.

Вскоре об этой дружной семье узнали читатели «Огонька» — в № 35 за 1955 год была напечатана фотография близнецов и небольшая заметка. Шло время, подрастали девчушки. И когда Вера, Надя и Люба в 1960 году пошли в первый класс, «Огонек» посвятил этому событию обложку одного из номеров.

За минувшие десять лет у нас прибавилось много новых читателей, а старые оказались столь памятливыми, что не забыли о наших близнецах. И недавно пришло письмо из Донецка от В. Новосельцева. Ссылаясь на свое «запоминающее устройство», он попросил рассказать о судьбе сестер Копыловых. И поскольку девушки стали уже совсем большими (так по крайней мере считают они сами), мы решили и репортаж сделать большой.

В ЭТОМ ГОДУ Вера, Надя и Люба окончили школу, получили аттестат зрелости, и перед ними, естественно, встал вопрос о выборе жизненного пути. Впрочем, особой проблемы тут не возникло — все решила наследственность. Иван Яковлевич Давыдов, их прадед, был управляющим печатни Яковлева. Дедушка Сергей Иванович Давыдов, ныне пенсионер,— плановиком-полиграфистом типографии МГУ. Мама, Лариса Сергеевна, теперь начальник отдела полиграфических материалов Комитета по Печати, а папа, Юрий Иванович,— директор типографии Секретариата СЭВ.

— Когда мы с мужем учились в Московском полиграфическом институте,— рассказывает Лариса Сергеевна,— порой случалось, что детей не с кем было оставить дома. Преподаватели разрешили нам приводить девочек контрабандой на занятия при условии, что они будут вести себя тихо. Сознавая ответственность момента и безвыходное положение родителей, в институте девочки были на редкость послушны...

И не удивительно, что в нынешнем году, в горячую пору приемных экзаменов, на столе декана технологического факультета Московского полиграфического института А. И. Колосова оказалось три заявления с похожими подписями. Александр Иванович хорошо помнил своих бывших студентов, и теперь ему было интересно познакомиться с представителями следующего поколения Копыловых.

Дедушка пришел!

Начались экзамены. Все три девочки готовились к ним старательно и упорно, но не обошлось без огорчений. Успешно сдала экзамены Люба. Вера срезалась на химии, но тут же подала документы на вечернее отделение и прошла без сучка и задоринки. Надя засыпалась по физике и, решив в этом году больше судьбу не испытывать, поступила на подготовительные курсы.

— Любе просто повезло,— шутят Надя и Вера.— Ей же ни разу не попадалось тринадцатого билета, а нам они выпадали дважды.

Больше всех тогда, конечно, волновалась мама, девочки же были спокойны.

Чертежи на подпись к начальству.

В часы вечерней тишины.

— Переживать-то не к чему,— говорит Надя.— Работа у меня интересная. Я чертежница в институте СЭВа по стандартизации, хожу на курсы. И в институт я все равно поступлю, непременно.

— А я даже рада, что не попала на дневное отделение,— заявляет Вера.— Сначала, правда, боялась, что будет трудно. Оказалось, ничего, справляюсь. Днем — на работе, вечером—в институте.

— Вот так да! Получается, что больше всех не повезло мне,— смеется Люба.— Я вроде все еще ученица, а у них и работа интересная и жизнь самостоятельная.

...Да, кончилось детство, пора, когда сестренки всегда одновременно просыпались, в одну и ту же секунду у них возникало желание идти гулять, даже болели одними и теми же болезнями. Родители подозревали, что и сны-то они видели одинаковые. Впрочем, слаженность эта возникла, вероятно, не только от сходства характеров. Тут свою роль сыграл и жесткий режим, установленный Ларисой Сергеевной для детей с первых же дней их жизни. Но по-

Вечером в театр.

Домашний бал.

Так что мы выберем!

Когда хозяйки заняты.

Добрых вам успехов на вашем пути, Вера, Надежда, Любовь!

том время все же внесло свои коррективы. Переступив порог школы, сестры уже открыто заявили о своем праве самостоятельно решать некоторые житейские проблемы.

— Особенно трудно стало с одеждой,— говорит Лариса Сергеевна.— Я за семнадцать лет привыкла делать все покупки в трех экземплярах, а теперь частенько встречаю отпор то с одной стороны, то с другой, то с третьей.

Надя, например, запротестовала против одинаковых пальто. Любе не захотелось носить такие же, как у сестер, сапожки, даже Вера, самая покладистая, заявила, что ни в магазин, ни в кино и вообще никуда они не должны ходить втроем: «Уж больно все на нас таращатся!» И все же девочки настолько дружны и так скучают друг без друга, что все свое свободное время проводят вместе.

Еще в школе Вера, Надя и Люба увлеченно занимались в секции фигурного плавания. Теперь они уже на тренировки не ходят, но к воде их тянет по-прежнему: по воскресным дням они с удовольствием отправляются в бассейн — часок-другой поплавать.

Семья Копыловых радушна и гостеприимна. Особенно шумно у них бывает в праздники и в день рождения девочек. Лариса Сергеевна хорошо знает всех друзей Веры, Нади и Любы. И хотя на именинах гостей всегда втрое больше, чем у прочих мам, хозяйка всегда рада им. Да ведь и помощниц у нее втрое больше. Пока Люба шьет, а Надя моет посуду, Вера убирает квартиру. Не успеешь оглянуться — со всеми домашними делами уже управились.

Наконец-то и папин быт в корне изменился.

— В свое время мне приходилось много помогать по хозяйству, буквально ни на что времени не хватало,—рассказывает Юрий Иванович.— А теперь могу спокойно и газеты почитать, и заняться фотографией, и постолярничать. Сейчас меня одного четыре хозяйки обслуживают. Вот и балуют меня. Суматохи в доме, правда, не убавилось. Представляете, что творится, когда в гости или в театр одновременно собираются четыре женщины! Не каждый такое выдержит... Впрочем, это я так, ради красного словца. Видеть, как растут твои дочери, для отца всегда огромная радость.

...За огромными, светлыми окнами голубеет зима. Солнечные зайчики заглядывают в аудиторию. Тишина. Только мелок постукивает по доске, и тянутся длинные-длинные ряды цифр... В пятнадцатой группе технологического факультета идут практические занятия по высшей математике. У доски — Люба Копылова.

...Прячется солнце, приходит вечер. И опять у доски стоит стройная белокурая девушка с серо-голубыми глазами, и только хорошо приглядевшись, видишь — это уже не Люба, а Вера.

Будем надеяться, что на будущий год и Надя (полное-то ее имя Надежда!), окончив подготовительные курсы, тоже появится в аудиториях того же института, где сейчас учатся ее сестры.

А еще через несколько лет все трое продолжат славное дело родителей, дедов и прадедов.

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Есть имена в советской литературе, овеянные легендарной славой. К ним принадлежит имя замечательного драматурга, пламенного публициста, великолепного организатора литературного дела Всеволода Вишневского.

Он дожил только до пятидесяти лет. Но вклад его в нашу художественную культуру — драматургию, театр, кинематограф—удивительно велик. Вишневский — истинный новатор, революционер в искусстве драмы нашего времени.

С самого первого спектакля началась счастливая жизнь «Оптимистической трагедии». Пьеса шла во многих театрах страны. За постановку пьесы творческим работникам Ленинградского театра имени А. С. Пушкина была присуждена Ленинская премия. По пьесе был создан одноименный фильм... А в юбилейном ленинском году театры вновь успешно обратились к «Оптимистической трагедии».

Всеволод Вишневский был истинным бойцом. С оружием в руках он прошагал по дорогам нескольких войн. Юношей встретив Октябрьскую революцию, он с первых дней встал в ряды Красной Армии и Красного Флота, где заслужил первый орден боевого Красного Знамени, проявив себя настоящим героем, верным до конца своему долгу. Его видели в окопах под Мадридом, а в дни блокады Ленинграда Вишневский был в городе Ленина. Голос писателя-воина звучал по радио, как набат. В газетах чуть ли не ежедневно публиковались его страстные, пробуждающие веру в грядущую победу статьи.

Он прошел весь путь до Берлина, и на его глазах поверженный враг признал свое поражение.

«Первая конная», «Последний решительный», «На Западе бой», «Оптимистическая трагедия», сценарии «Мы из Кронштадта», «Мы, русский народ» — эти произведения Вишневского могут служить образцами отражения героико-патриотической темы, столь же дорогой, сколь и необходимой в нашей литературе, нашем искусстве.

Вишневский, как и Маяковский, мог по праву сказать: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Каждая его строчка, каждое его слово были точным, безошибочным ударом по врагу, по чужому миру, и каждая строчка, каждое слово помогали нашим людям в трудной, но благородной борьбе за самые светлые идеалы человечества.

Как художник Вишневский неповторим. Он один из самых своеобразнейших драматургов двадцатого века. Дерзкое сочетание эпического и лирического, героического и комедийного (порою близкого к буффонаде), мастерская лепка сценических образов и изображение тончайших движений души — вот что поражает в произведениях Вишневского, умевшего иногда в одном эпизоде соединять, казалось бы, совершенно несоединимое.

Вряд ли можно успешно следовать МАНЕРЕ, стилистике Вишневского. А вот ДУХУ его творчества, его традициям следовать можно и нужно. Более того, насущно необходимо.

Надо учиться у Вишневского брать в основу произведения те явления и конфликты, которые бы с наибольшей полнотой и остротой выражали сокровенную суть времени; изображать такие события и такие характеры, в которых бы выразились главные, самые существенные приметы эпохи. Надо учиться у Вишневского ясности, определенности идейной позиции, бескомпромиссности в отстаивании нашей правды, наших идеалов; учиться философски осмысливать факты жизни, рассматривать явления действительности в социальном разрезе.

У Вишневского нельзя не учиться и чувству строжайшей ответственности перед временем и перед собой — ответственности за все то, что предлагается читателю, зрителю.

Для Вишневского перо было тем же боевым оружием. И оно должно стрелять только «в яблочко». Ни промаха, ни осечки быть не должно.

Он знал в лицо тех, кто стоял по ту сторону баррикад. Не случайно ему принадлежит одна из первых и лучших пьес об угрозе вражеского нашествия — «Последний решительный». Он считал своим священным долгом готовить народ к схватке с врагом, помогал воспитывать в народе чувство любви к социалистической Отчизне.

Ныне в репертуаре наших театров не так уж много спектаклей, разоблачающих античеловеческую сущность империализма, пьес об интернациональных связях трудящихся мира, о борьбе сил прогресса с силами реакции. А такие произведения очень нужны.

Именно на этом плацдарме мы обязаны давать бой буржуазной идеологии — идеологии мракобесия и человеконенавистничества. И здесь нельзя пройти мимо опыта Всеволода Вишневского...

Драматург прекрасно сознавал великую силу театра, кинематографа. Он понимал, какое это могучее средство воздействия на человеческие души. Во многих своих статьях и выступлениях он не переставал утверждать, что на сцену, на экран должна прийти большая литература, что без настоящей дружбы писателей и мастеров театра и кинематографа немыслимы достижения искусства.

Вишневский всегда находился в неукротимом стремлении к будущему, он как бы всегда воочию, зримо ощущал грядущее. Это и придавало даже самым трагичным эпизодам его произведений такой неистребимый оптимизм.

Вечно живым, неистовым останется в литературе, в искусстве Всеволод Вишневский— художник могучего, самобытного таланта, верный солдат партии, воин-коммунист.

Н. ГРОМОВ

Суровая нежность

Анатолий ПАРПАРА

СОЛДАТЫ

На Запад
уходил стрелковый полк,
а рядом с ним, таким суровым,
бежал мальчишка белобровый,
немногим выше кирзовых сапог.
Он спрашивал солдат:
«Ты папа мой?» —
ручонками хватал за голенище.
Но с каждым рядом
безнадежней, тише
звучало горькое:
«Ты папа мой?»
О этот голос,
хриплый и родной,
от частого повтора монотонный!
А под шинелью бились учащенней
сердца, ожесточенные войной.
У каждого
такой же сын иль брат...
С какой печалью
их глаза глядели,
какою нежностью
ладони их гудели,
но пальцы их
впивались в автомат...
Я детство мог забыть,
как сон, как небыль,
но через годы на меня глядят
глаза солдат
печальные, как небо,
и небо,
как глаза солдат.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы живем,
не боги, не атланты,
под крылом отцовским
не согреты,
в двадцать лет —
матросы и солдаты,
в двадцать пять —
вечерники-студенты.
Нас растили няньки:
бабья жалость
да за будущее
вдовий страх.
Отсветы июньского пожара
полыхают до сих пор в глазах.
Выросшие в годы голоданий
на макухе и на лебеде,
мы,
пройдя сквозь бури испытаний,
не привыкли кланяться беде.
В нас жива,
от срока и до срока,
памятью и деда и отца,
революционная жестокость
к разного калибра подлецам.
Пусть же знают
совестью нечисты,
что у нас, как видно неспроста,
имя осиянное Отчизны
запеклось на огненных устах.
Не забыты,
бытом не забиты,
это мы,
сыны своей земли,
на околоземные орбиты
умные выводим корабли.
Ничего о прошлом не забыли,
но делами в будущем живем.
Никогда в труде
не подводили,
никогда в бою
не подведем!
Будьте же спокойны,
комиссары!
Ваше сердце —
в молодой груди!
Родину свою в знаменах алых
сыновьям своим передадим.

ПОКЛОННАЯ ГОРА

Ах, как хотелось насладиться
завоевателю столиц
тем, что российская столица
придет с ключами,
рухнет ниц!
Столица золотом сияла,
по-лебединому бела,
колоколами клокотала,
а на поклон к нему
не шла.
Минуты били роковые,
пожаром багровел закат,
и испугался вдруг впервые
неустрашимый Бонапарт.
Да!
Мы встречаем тех с поклоном,
кто в гости —
с чистою душой,
но рухнут ниц наполеоны
перед Поклонною горой.
Я говорю вполне резонно!
Ведь согласись,
Россия-мать,
что зря зовут ее Поклонной,
а нужно Непреклонной звать!

В. Косенков (Москва). В ФИОРДАХ КАМЧАТКИ.

С. Григорьев (Киев). В КОНЧЕ-ОЗЕРНОЙ.

В. Саморезов (Ленинград). НА РЕЙДЕ.

Д. С. СТРЭЙНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Альберт обретает лицо

Было уже почти совсем темно, когда Анри вернулся домой. Только теперь его охватила усталость. Поднимаясь по лестнице, он остановился на первой же площадке и вцепился в перила, чувствуя, как кружится голова. Впервые за много часов он подумал о Марселле. Он уже почти забыл разговор с ней там, в саду.

Мадам Магрит и Аник ожидали его в гостиной. Он в изнеможении опустился на подставленный матерью стул. Мать с испугом взглянула на его порванный рукав и пятно засохшей крови на нем.

— Ты ранен?!

— Нет, нет, совсем нет... Пустяковая царапина...

— Ты должен что-нибудь поесть и выпить глоток коньяка.

Анри уже не помнил, когда он ел последний раз.

— Да, немножко коньяка...

— Сейчас я принесу.— Аник вскочила и выбежала из комнаты.

Мать принялась хлопотать около него. Он обратил внимание, как изменилась она за один этот день.

— Он заговорил? — спросила мадам Магрит.

— Пока нет, но заговорит.

Отчего в ее голосе прозвучала какая-то тревожная нотка? Чего она страшится, ждет и страшится?..

— Сядь, мама, не суетись. Я чувствую себя вполне нормально, ничего со мной не произошло.

— Слава богу.

— О чем ты думаешь?

Губы у мадам Магрит дрогнули, и она поспешно прикрыла рот рукой.

— О том, чтобы все поскорее закончилось, а главное — благополучно для тебя.

Что она хотела этим сказать?

— Может, ты что-нибудь знаешь?

— Нет, о нем я ничего не знаю. Только я почему-то очень боюсь.

Может, она разговаривала с Аник? Знает ли мать, что они с сестрой были на площади Вогезов?..

Спустя полчаса раздался телефонный звонок. Подзывая Анри, Аник как-то странно на него взглянула.

Анри решил, что звонит Женэ, но в трубке послышался голос Марселлы.

— Я хотела поговорить с тобой, услышать твой голос.

— Марселла...— прошептал он.— Я не ожидал...

— Я осталась ненадолго одна. Я очень боялась за тебя, в газетах писали, что ты ранен.

— Пустяки.

— Это действительно Альберт?

— Ни малейшего сомнения.

— Что он говорит?

— Пока ничего.

— По-твоему, это он предал Робера?

— По-моему, да.

— Но почему? Разве удалось узнать, что они были как-то связаны? У тебя есть основания подозревать его больше, чем любого другого?

— Ты читала газеты? Тебе известно об аресте Пуссина и его жены?

— Владельцы «Клуба Монмартр»? Да, но...

— Альберт знал чету Пуссинов.

— Читала. Ты опознал его в клубе. Но какое отношение Пуссины имели к Роберу?

Анри промолчал. Мысленно он вновь стоял вместе с Аник во дворе дома на площади Вогезов...

— Анри!

— Я слушаю.

— У тебя такой необычный голос.

— Я... очень устал.

— Ты меня любишь?

— Ты же знаешь.

— Мне просто хотелось услышать, как ты это скажешь.

В другое время Анри сказал бы ей не только это, но и многое-многое другое, но сейчас ничего не приходило на ум, и он неловко спросил:

— Когда мы встретимся?

— Скоро, через несколько дней. Муж уже взял билеты на самолет, на той неделе мы улетаем.

Марселла помолчала, потом чуть дрожащим (ему так хотелось не ошибиться в этом!) голосом добавила:

— Ты не спрашиваешь, что я решила?

— А ты решила что-нибудь?

— Возможно, да.— Эти слова прозвучали у нее слишком уж кокетливо и, как показалось ему, неискренне.

— Я люблю тебя, Марселла. Ты мне нужна.

Послышался щелчок, Марселла положила трубку.

Анри вернулся в гостиную, и Аник, блестя от злости глазами, сказала:

— Я знаю, кто звонил. Марселла!

— Да. Она хотела попрощаться.

В полдень на следующий день Анри позвонил комиссару.

— Да,— осторожно сказал Женэ,— Альберт сознался после очной ставки с Пуссином, а потом и сам Пуссин признал, что именно Альберт завербовал его для работы в гестапо; сейчас Альберт дает подробные показания о Пуссине и других арестованных, которых он активно использовал для шпионажа.

Альберт, по рассказу Женэ, буквально упивается собственными показаниями. Пыжится показать, какой он умница, и жаждет убедиться, что полиция оценивает его таланты. Стенографист едва успевает записывать...

— Следовательно, дело закончено, и вы теперь знаете все? — затаив дыхание, спросил Анри.

Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Женэ односложно ответил:

— Да.

Наступила долгая пауза; Анри слышал только, как стучит у него сердце. Потом Женэ сказал:

— А знаешь, Анри, зайди-ка лучше в префектуру.— Он вздохнул и добавил: — Мне не хотелось бы вызывать мадам Магрит.

— Хорошо. Я еду. Сейчас же.

В префектуре его заставили ждать. Он ждал больше часа вначале на скамейке в приемной, потом Брассар провел его в маленький пустой кабинет.

— Теперь уже недолго,— проговорил он,— тут вам будет удобнее.

— Но что происходит?

— Мы допрашиваем свидетеля,— уклончиво ответил Брассар.— По-моему, теперь скоро.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

«Прямо как в больнице, когда близкие ожидают конца операции,— сердито подумал Анри.— Впрочем, я сам напросился. Во всяком случае, не бегать же мне с воплями по коридорам».

Он принялся шагать по комнате взад и вперед. Иногда он останавливался и напрягал слух, но из-за стены не доносилось ни звука.

«Однако кто этот свидетель? Кого сейчас допрашивают? Кого-нибудь с площади Вогезов? Кого-нибудь, кто знал Альберта как резидента гестапо? Или...» У него вдруг замерло и снова с силой забилось сердце. Женэ сказал, что он закончил дело и знает все. Может, он уже предпринял какие-то меры? Может, в этот момент в его кабинете...

Анри подбежал к двери и распахнул ее. В коридоре оказался полицейский. При появлении Анри он встал и загородил дорогу.

— Я хочу немедленно видеть господина комиссара! У меня срочное дело. Узнайте, может ли он сейчас же принять меня.

— Прошу извинить, но господин комиссар запретил его беспокоить.

У Анри мелькнула мысль силой ворваться в кабинет Женэ, но он тут же устыдился своей горячности.

— Кто у него?

Полицейский пожал плечами.

— Не знаю. Я ничего не знаю. Будьте добры подождать...

— Конечно, конечно!

— ...и я немедленно сообщу вам, как только господин комиссар освободится.

Полицейский заставил Анри вернуться в комнату.

Анри вновь принялся шагать от двери к окну и обратно. Когда наконец Брассар проводил его в кабинет Женэ, там, кроме комиссара, никого не было; Анри не слышал, чтобы кого-нибудь выводили,— очевидно, воспользовались другой дверью. Брассар остался в коридоре.

— Садись, старина,— пригласил Женэ.

Анри подошел к столу, и ему показалось, что он слышит в комнате аромат цветов. Он осмотрелся, словно ожидал увидеть розу, но ничего не обнаружил. Только на столе перед комиссаром лежало золотое колечко в виде рукопожатия. Женэ поспешно спрятал его в карман.

— Садись.

Анри неловко опустился в кресло.

До него донесся голос Женэ, однако он не сразу понял, о чем тот говорит. А комиссар рассказывал о показаниях Альберта — он все еще продолжал давать их в соседней комнате. Альберт работал на парижское управление гестапо и был связан только с Дорфмюллером. Ни один человек, кроме Дорфмюллера, не имел права с ним встречаться — этого требовало специальное распоряжение. Никто из агентов не знал Альберта лично...

— Да, но Пуссин...

— Правильно.— Лицо Женэ снова появилось в поле зрения Анри.— С Пуссином у него получилось иначе, на этом-то мы его и поймали. В данном случае он нарушил приказ. Возможно, гестаповцы не знали об этом, а возможно, и знали, но делали вид, что ничего не замечают: Альберт добывал слишком ценные сведения.

Женэ взял карандаш и по привычке принялся его рассматривать.

— Возможно, Альберт хотел дать Пуссину заработать как своему близкому другу. Встречались они, видимо, на ипподроме.

— Но какие ценные сведения Пуссин мог добывать?

Женэ бросил на Анри быстрый взгляд и снова опустил глаза.

— Альберту приходили в голову всякие идеи, и он добывал информацию не только от своей агентуры. Так, он обнаружил, что весьма полезно заводить знакомства с детьми, этак мило, по-дружески с ними разговаривать; всегда можно узнать немало полезного, хотя сами ребята, конечно, ни о чем не догадаются.

Анри вцепился рукой в подлокотник.

— Иногда он узнавал от детей больше, чем от взрослых агентов, однако ему приходилось соблюдать осторожность: болтая с ним, они могли болтать и дома, а он совсем не хотел, чтобы пошла молва о каком-то симпатичном дяде, который одаривает детей сладостями. Но был один подросток, с которым приходилось идти на риск — этого требовали определенные обстоятельства.

— Именно тут-то и понадобился Пуссин?

Женэ на мгновение задумался.

— Да... Альберта интересовал остров Сен-Луи: гестапо не имело там осведомителя. Альберт стал посещать этот район и вскоре приметил девочку-подростка — она ежедневно куда-то ходила с рыночной корзинкой. Он попытался с ней познакомиться, когда она однажды стояла у магазина и жадно рассматривала витрину. Альберт спросил, что ей здесь нравится, и та ответила, что хотела бы иметь такую же ленту, какая выставлена в витрине. Он предложил подарить ей эту вещь, и девочка согласилась. Потом Альберт спросил, как она объяснит дома, откуда у нее взялась лента. Девочка ответила, что домашним не понравится, если они узнают, что она берет подарки от незнакомых людей, поэтому обещала сказать дома, что нашла ленту.

У Анри вырвался не то вздох, не то стон, но Женэ быстро продолжал:

— Но, может, не так уж все плохо. Я разговаривал с мадам Горхэм.

— Да, да. Она только что была здесь, пока я думал...

— О чем ты думал?

— Ничего, ничего...

Женэ пожал плечами.

Окончание. См. «Огонек» №№ 43—51.

— Как только Альберт опознал Марселлу, она сразу же признала, что помнит его. Он был добр с ней, а когда корзина была слишком тяжела, помогал нести. Она помнит и Пуссинов, так как довольно часто у них бывала. Альберт сказал ей, что у них она всегда может получить кое-какие дополнительные продукты, или растопку, или уголь. Она якобы совершенно ни о чем не подозревала. Муж и жена Пуссины хорошо к ней относились, вот и все. Возможно, это и правда, Анри.

— Вы думаете?

— По ее словам, она не помнит, говорила ли когда-нибудь своим домашним об этих людях. Все происходило давно, она была в то время совсем юной... Должен заметить, выдержки и самообладания мадам Горхэм не занимать. Она, видишь ли, абсолютно уверена, что никогда ни о чем не проговаривалась, никаких сведений ни Альберту, ни чете Пуссинов не сообщала. Альберт был для нее просто милым, приветливым человеком. Увидел, с какой тоской она рассматривала в витрине красивую ленту, купил и подарил. Какой девушке это не понравится? Нет и нет, дома она не обмолвилась ни словом. Зачем? Чтобы получить нагоняй, хотя ничего страшного она не сделала?

— Да, да...

Затянувшееся молчание снова прервал Женэ.

— Анри, я ничего не утаил. Возможно, мне придется переговорить с вашей матерью.

— Только не это!

— Понимаю твое состояние, дружище, хорошо понимаю. И рад бы пойти тебе навстречу, но есть несколько вопросов...— Поколебавшись, он достал из кармана кольцо в виде рукопожатия и разжал ладонь.— Узнаешь?

— Узнаю. Она говорила, что кольцо подарил ей отец в день ее шестнадцатилетия.

— Так она говорит и сейчас.

— Она постоянно его носила. Еще совсем недавно я видел кольцо у нее на пальце.

— Теперь она его больше не носит, но не расстается с ним. С этим кольцом у нее связана какая-то примета.

— Оно якобы приносит ей счастье.

Женэ повертел кольцо и положил на стол.

— Вы приказали ее обыскать?

— Ну, не совсем так,— поморщился Женэ.— Мы обязаны проявлять по отношению к мадам Горхэм особую тактичность. Кольцо найдено в ее сумочке. Альберт утверждает, что это его подарок. Она показала ему кольцо в витрине магазина и сказала, что оно ей нравится.

— Дешевая безделушка! — волнуясь, воскликнул Анри.

— Когда ты впервые обнаружил кольцо у мадам Горхэм?

Анри закрыл глаза и снова увидел Марселлу в той маленькой отвратительной квартире в Отее, вспомнил ее ускользающий взгляд, когда она излагала свою историю о появлении кольца. «Я знал, что она лжет, и гнал от себя эту мысль. Тогда, как и сейчас, я закрывал глаза, так мне хотелось ей верить...»

— По-моему, в 1944 году,— тихо ответил Анри,— после возвращения из По. Что получил от нее Альберт за кольцо?

Женэ уклонился от ответа.

— Альберт дарил ей и другие вещи,— продолжал он,— ленту для волос, духи, хорошее мыло — всякую мелочь. Точнее говоря, он относил все это чете Пуссинов, а они передавали ей. Альберт утверждает, что она передавала им сведения каждые несколько дней.

— Чушь! Она же была тогда еще почти девчонкой!

— Хороша девчонка! По-твоему, девчонка могла встать чуть свет и наблюдать из окна, как Рене Машер и Малинкур выходят из вашей квартиры? Она видела их обоих в вашем доме и знала в лицо. Там был еще и третий, но этого она не знала.

Анри едва сознавал, где он и что происходит.

— Если бы она была «глупой девчонкой», разве побежала бы она в тот же день к Пуссинам, чтобы рассказать им о встрече патриотов в вашем доме?

— За кусок мыла... за ленту...

Женэ пожал плечами.

— Но постойте! — вдруг спохватился Анри.— Я ведь в то время тоже был там. Почему же она не выдала меня?

— Скорее всего потому, что ты уже тогда ей нравился.

Да, комиссар, видимо, прав. Анри снова ощутил во рту противную горечь.

— Но это не все,— неумолимо продолжал Женэ.— Исчезали люди, с которыми работал Робер. Его это очень тревожило. Мы понимали, что где-то рядом с нами действует предатель. Робер подозревал живущую напротив чету.

— Помню,— пробормотал Анри.

— Ему, как и мне, и в голову не приходило искать предателя у нас под боком.

— А кольцо? — с трудом спросил Анри.— Кольцо за...

Женэ взглянул на его сжатую в кулак руку. «Почему именно мне приходится говорить ему об этом?..»

— Кольцо за Робера.

— Говорите, говорите! — Женэ не узнал голоса Анри.

— Не забудь, она утверждает, что не виновна в его гибели.

— Нет, виновна!

— Я тоже так думаю. Пуссин рассказывает вот что. Гестаповцы что-то пронюхали и о следующей встрече — о той, на которой был арестован Робер. Когда она являлась к ним, ее встречала на кухне мадам Пуссин, угощала горячим шоколадом, печеньем...

— И засахаренными орехами,— хрипло добавил Анри.

Женэ удивленно взглянул на него.

— Да, и засахаренными орехами. Большая редкость в то время.— Женэ умолк и некоторое время ждал, но Анри промолчал, и комиссар, вздохнув, заговорил снова: — Когда она являлась к ним, Пуссин всегда сидел в соседней комнате, за шторой. Однако в тот день он пришел на кухню, сказал, что будет играть с ней в догадки, и, если она выиграет, он вручит ей премию.

Анри представил себе, как Пуссин — огромный, толстый, с обрюзгшим лицом — разговаривает с девушкой, и вздрогнул от отвращения.

— Несколько раньше она показала Альберту выставленное в витрине кольцо и заявила, что оно ей безумно нравится. Может быть, она знала, что взамен от нее потребуют что-то важное, но, возможно, ей просто надоели мыло и сладости. Во всяком случае, в тот день кольцо в футляре оказалось у Пуссина — его-то он и обещал ей в качестве премии... Анри, дорогой!..

— Ничего, не беспокойтесь... Но ведь ей никто и словом не обмолвился, что состоится встреча. Как она узнала?

— Пока еще не установлено. Возможно, подслушала, возможно, что-нибудь заметила, возможно...

— И она сообщила им даже время встречи?

Женэ мрачно кивнул.

— Вы понимаете,— шепотом заметил Анри,— невозможно поверить... За маленькое дешевое колечко...

— Да.

— Такой человек, как Робер! Ведь он ее любил, он охотно отдал бы за нее жизнь.

— А ты говоришь «девочка»!..— произнес Женэ, чувствуя подступающий к горлу комок.

— Даже у детей есть сердце. Она носила кольцо и в те дни, когда она уже перестала быть ребенком. Вы думаете, она обо всем забыла? Нисколько! Она же называла кольцо своим счастливым талисманом.

— Не знаю, сможем ли мы привлечь ее к ответственности. Сколько лет ей тогда было? Одиннадцать? Двенадцать?

— Что вы! Гораздо больше.

— Если она начнет настаивать, что поступала без злого умысла... А между тем она понимала, что делала, в этом нет никаких сомнений. Теперь она все будет отрицать и, возможно, выкрутится. К тому же она замужем за американцем. Мне звонило начальство, ее муж уже устроил скандал через свое посольство.

— Она скоро уезжает в Америку,— внезапно вспомнил Анри.

— Ну, уж с этим-то у нее не выгорит! Сегодня мы отобрали у нее паспорт.

Анри кивнул.

— Говорят, когда она бывала у Пуссинов, с ней всегда приходила маленькая девочка — совсем маленькая, лет четырех-пяти.

— Моя сестра Аник.

— Ты знал об этом?

— Я боялся подумать, что...

«Так вот в чем дело! — мелькнуло у Женэ.— Представляю, что ему пришлось пережить!»

— Бедный ты мой! — вслух сказал он.— Не надо ей ничего рассказывать.

— Аник все равно узнает.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Женэ увел Анри в ресторан на площади Дофин. Комиссар заставил его поесть и выпить вина, и на ввалившихся щеках Анри выступил слабый румянец. Было 14 июля, Париж праздновал день взятия Бастилии, из окон свисали флаги, непрерывно гремели оркестры — звуки музыки и карнавального веселья долетали даже сюда, на тихую площадь.

— Как надоел этот шум! — Анри яростно взмахнул рукой. С минуту он сидел неподвижно, потом взглянул на комиссара и спросил: — Вы знали, что я был близок с ней?

Женэ кивнул.

— Та, кто предала Робера, была моей возлюбленной.

— Анри, прошу тебя!

— Замечательно, а? Позволить этой красивой твари так обмануть меня!

— Ты же не знал.

— Должен был знать! Правда, когда она предавала Робера, меня не было в Париже. Я и не догадывался, что она ходит с Аник на прогулки. Я думал...

— Знаю, знаю!

— Знаете? Возможно. По-моему, мать о чем-то догадывалась. Она хотела бы, чтобы все кончилось для меня благополучно, так она сказала вчера вечером. Значит, она догадывалась, но щадила меня?

«Пусть говорит, ему станет легче»,— подумал Женэ.

— Мать, наверно, заподозрила что-то неладное, когда Аник рассказала ей о площади Вогезов, а может, еще раньше. Она давно ненавидит Марселлу.

Анри рассказал Женэ, как они с сестрой побывали во дворе дома на площади Вогезов, увидели там фонтан и птичку с отбитым крылом.

— Но и тогда я ни о чем не догадался, мне просто не пришло в голову. Да что там, я и не хотел догадываться! Вы понимаете, я начал снова с ней встречаться, начал... Я любил ее еще час назад.

Наблюдая за Анри, Женэ вспомнил разговор с Марселлой. Любопытно, как она, несмотря на свою красоту и успехи в жизни, похожа на всех других предателей: на Альберта, Гофруа, Вакулёра, Маргариту Лафабр. Все они, включая Марселлу, ослепленные собственным эгоизмом и самодовольством, считали себя ловкими дельцами, подвизающимися в мире, который они ненавидели. Еще подростком она испытывала наслаждение, обманывая и тех, кто ее любил, и тех, кому она служила; чудовище, она разыгрывала святую невинность, потешаясь про себя над теми и другими. Нет, не девочкой она была, когда предавала. Детской была лишь цена, которую она выпросила,— колечко, хотя могла получить полмиллиона франков. Невежество и глупость тесно переплетались в ней со звериной хитростью.

И все же не исключено, что она выйдет сухой из воды. Полиции пришлось отпустить ее — хотя и на время, но без особой уверенности, что ее удастся привлечь к ответственности. Если бы все произошло на сутки позже, если бы самолет уже вылетел из Орли, ее ни за что не удалось бы вернуть, и она прекрасно понимала это. Можно представить, как она бесновалась из-за всяких задержек, не позволявших ей улететь. Да и сейчас, пока она здесь, пока скрывается за спиной мужа, сомнительно, чтобы полиция могла что-нибудь предпринять. Женэ еще не выяснил, получила ли она американское гражданство, но как жена одного из... Если полиции и удастся чего-то добиться, то лишь после бесконечной волокиты.

Женэ взглянул на часы и подозвал официанта.

— Я должен вернуться. Чем ты намерен заняться, Анри?

Анри с изумлением уставился на комиссара. Чем он может заниматься в такие минуты? Вернуться в галерею, покупать и продавать картины? Пойти навестить какого-нибудь приятеля? Поехать домой и поболтать в гостиной с матерью и Аник? О чем? О девушке, которая обрекла Робера на нечеловеческие страдания и смерть, на лютые пытки, изобретенные извергами для того, чтобы сокрушить дух, который нельзя было сокрушить?..

Официант, вручая Женэ счет, услышал, как тот обратился к своему молодому спутнику:

— Ты можешь пойти в Люксембургский сад. Говорят, студенты Школы танцев устраивают там карнавал.

— Могу,— согласился Анри.— Сегодня же праздник. Вот и я устрою себе праздник.

— Развлечений в день взятия Бастилии сколько угодно,— сказал официант.

— Сегодня вечером состоится и фейерверк,— добавил Анри.

— Совершенно верно. Его хорошо видно и отсюда, а с Нового моста еще лучше. Замечательное зрелище, мосье!

Официант изумленно раскрыл глаза, заметив, какую сумму оставил Анри «на чай», и долго смотрел вслед обоим друзьям.

— Рехнулся человек, не иначе,— пробормотал он.— Впрочем, сегодня же праздник...

Расставшись с Женэ, Анри прошел по набережной до огромной площади перед Собором Парижской богоматери. Опускался ранний вечер, и заходящее солнце заливало золотистыми лучами фасад величественного сооружения. Анри вспомнил, что Робер любил бывать здесь, вошел в собор и остановился под уходящими в полумрак сводами. Церковь заполняли туристы, кое-где замерли коленопреклоненные фигуры. Не здесь ли он отыскал Робера в тот зимний вьюжный день, чтобы сообщить ему о смерти Рене Машера? Тогда в соборе гремела музыка.

Анри хотелось поплакать о брате, но у него не осталось слез, он испытывал только огромную опустошенность и невероятную усталость. Рядом с ним послышалось шарканье ног и болтовня гида. Когда группа туристов прошла мимо, Анри опустил голову и задумался.

Еще и теперь, несмотря на годы, прошедшие после смерти брата, Анри часто ощущал его рядом с собой. Сидя в кафе за столиком, гуляя по набережной, стоя на мосту и любуясь рекой, он вдруг начинал испытывать то спокойствие и внутреннюю силу, которые были так характерны для Робера. Но сегодня, когда он особенно нуждался в этом чувстве, оно не приходило.

Анри вышел через боковую дверь и оказался на набережной. Ему казалось, что он снова увидит, как падает снег и как белые шапки покрывают головы химер на башнях собора. Но стояла середина лета, и под лучами закатного солнца в теплом душистом воздухе весело искрилась река. Он взглянул на медленно бегущие волны и облокотился на парапет в том месте, где много времени назад они стояли вместе с Робером и разговаривали о бедном Рене.

И это тоже было делом рук Марселлы; это она убила Рене Машера и Малинкура, но не предала Анри только потому, что он ей нравился. Он подумал, что простил бы ей все, если бы она предала и его...

Убегая от гнетущих мыслей, Анри быстро пошел по набережной.

Сколько еще мужественных людей она предала — товарищей, с которыми он работал и о которых она узнала от него? Правда, он никогда не разговаривал с ней о своих делах, ну и что? Для такой ловкой женщины не составляло особого труда проникнуть в его тайны. Он доверял ей хотя бы в том смысле, что никогда не думал, будто она начнет за ним шпионить. Теперь он с ужасом припоминал, как восхищался ее хладнокровием и мужеством, у него и мысли не появлялось, что ей нечего бояться своих хозяев, которым она так верно служила. Он вспомнил день, когда она вернулась из церкви Сакре-Кёр после ареста Ленотра. Значит, это она получила вознаграждение за его голову? Патриоты из Сопротивления заподозрили в предательстве другую девушку — манекенщицу из ателье. Можно пред-

ставить, как смеялась Марселла, когда тело убитой нашли в Сене.

Но ведь были и другие. Их имена приходили ему на память, их лица вставали перед глазами. Да, она использовала его, пока он был для нее полезен, а потом бросила. И все же, несмотря на это, он вернулся к ней. Одного лишь взгляда на нее в кафе, одного взгляда на ее черную головку...

Анри почувствовал, что не может больше оставаться среди людей, на переполненных улицах. Он быстро перешел пешеходный мостик и почти бегом направился домой.

На лестнице Анри чуть не столкнулся с мадам Монсо, одетой в одно из лучших своих платьев. Она сообщила, что дома никого нет, мадам и Аник поехали смотреть карнавал. Сама же мадам Монсо собралась к сестре. Как хорошо, что ее сестра живет на левом берегу Сены — фейерверк оттуда будет виден прекрасно!

Не слушая болтовню мадам Монсо, Анри быстро поднялся в квартиру. Экономка с негодованием посмотрела ему вслед. В отличие от других членов семьи он совсем не обладал манерами порядочного человека. Жаль, он не остался в гараже — там самое подходящее для него место.

Анри прошел в свою комнату, бросился на кровать и долго лежал, уставившись в потолок. Перед ним вереницей проходили картины прошлого: Марселла в кафе на площади Пуа, изящная и торжествующая, похваляющаяся перед брошенным любовником выгодным браком и богатым американским мужем; Марселла в «Доброй хозяйке», удовлетворяющая свою ненависть к нему и убеждающаяся, что он по-прежнему желает ее, теперь такую недоступную; Марселла после появления в газетах сообщения об арестах — цепенеющая от страха при мысли о разоблачении; Марселла, смертельно напуганная арестом четы Пуссинов, розыском Альберта, а главное — задержкой с отъездом в Штаты; Марселла в саду Тюильри.

Да, именно в тот день появился словесный портрет Альберта. Он вспомнил, как исказилось от ужаса ее лицо, какое облегчение она испытала, когда убедилась, что имеет дело вовсе не с мстителем, а с изнывающим от любви идиотом, которого она по-прежнему может обвести вокруг пальца, улестить, обмануть и которого в свое время могла уничтожить.

Спустя некоторое время Анри взглянул на часы, встал, прошел в гостиную и включил радио. Последние известия в основном состояли из описания праздника, но в конце было передано специальное сообщение.

Альберт продолжал давать показания. Массовый расстрел в саду ресторана «Каскад» был подготовлен Пуссинами, за что они получили полмиллиона франков. Информацию о складе оружия в доме у арки Майло Пуссин получил от какой-то женщины. Альберт не знал ее имени, но покупал «подарок», который она за это потребовала,— пару сережек с бриллиантами.

Анри выключил радио и вернулся в свою комнату. Он открыл верхний ящик стола и вынул коробку, где хранил револьвер, с которым не расставался во время войны, протер его, зарядил и подумал: «Да, я ее убью. На самолете, улетающем в Америку, ее не будет».

Ему казалось, что он давным-давно принял это решение и что иначе не могло и быть.

Анри сунул револьвер в карман, вымыл в ванной лицо и руки, пригладил волосы, повязал галстук и, надев пиджак, тщательно проследил, чтобы он нигде не морщил; заглянул в свой бумажник. Денег оказалось немного, но, видимо, достаточно. Во всяком случае, должно было хватить.

Администратор в гостинице «Ритц» выразил сожаление, что мосье и мадам Горхэм отсутствуют — горничная господ сообщила, что они ушли и вернутся поздно. Куда ушли, он не знает. Администратор был вежлив, но чувствовалось, что Анри не произвел на него впечатление человека, который в состоянии остановиться в «Ритце».

Старый портье оказался более осведомленным, чему немало помог вчетверо сложенный банкнот, незаметно переменивший владельца. Старик вспомнил, что сам заказывал на девять вечера столик для господина Горхэма и его гостей в саду-ресторане «Эспланада» на Елисейских полях. Ожидая супругу в холле, господин Горхэм интересовался, откуда можно понаблюдать за праздником. Портье рекомендовал поехать к Новому мосту, где устраивается фейерверк, затем на Монмартр, откуда открывается чудесный вид на огни Парижа, ну и, разумеется, на Елисейские поля и к фонтанам на площадь Пуа. Конечно, ехать следует после ужина.

Портье взглянул на часы. Еще не было и восьми. Если мосье хочет попытаться, пусть он заглянет в кафе «Мир» или в бар гостиницы «Георг V» — господин Горхэм любит там бывать. Возможно, кое-что сможет сказать и швейцар.

Однако швейцар ничем помочь не мог. Да, господин Горхэм и его супруга вышли из гостиницы, но отправились не в машине, как обычно, а пешком. Такси они не брали, и в какую сторону отправились, он не видел. Сегодня все или развлекаются сами, или развлекают других. Мосье должен извинить его.

По бурлившим улицам Анри направился в кафе «Мир». Швейцар оказался прав: сегодня все веселились. Машины, переполнившие улицы, непрерывно сигналили; в них восседали те, кто населял эти богатые кварталы,— мужчины и женщины, одетые по последней моде.

В кафе «Мир» все столики были заняты. Пробираясь через толпу и уклоняясь от столкновений со снующими официантами, Анри совсем было решил, что увидел Марселлу в группе

НЕСОВМЕСТИМО С ЖИЗНЬЮ

Крайне неприглядный объект выбрал для художественного исследования Виль Липатов. Читаешь страницу за страницей и ощущаешь почти физически, как автор, задыхаясь от омерзения, отводит душу в ядовитой насмешке. С убийственным, беспощадным сарказмом описывает он каждый шаг, каждую мельчайшую деталь в облике и поведении четырех главных персонажей своей новой повести. Дотошность этого описания, нарочитое внимание к любому, казалось бы, пустяку, нагнетаясь на протяжении всего повествования, делают его взрывчатым, доводят до высокого эмоционального накала. Именно это и нужно было писателю, так как предмет, изображаемый им,— зло, и оно требует скорейшего и полного искоренения.

«Всего три года назад Семен Баландин был директором Чила-Юльского шпалозавода. Тогда он именовался Семеном Васильевичем, ездил на «газике», сидел в просторном кабинете подле стального сейфа, подписывал бумаги и был любим рабочими за доброту, знание дела, простоту и ясный ум». Такого Баландина мы в повести уже не застаем, перед нами человек, окончательно спившийся: «В его фигуре, выражении лица, тусклом блеске глаз не было ничего осмысленного, человеческого, и походил он на отупевшее от жажды животное, которому подносят к морде воду».

И напрасно в редкие минуты просветления надеется Баландин на то, что его вернет к нормальной жизни какой-либо толчок извне, что-нибудь вроде маленькой серой мыши из полубыли, полусказки, рассказанной им приятелям - собутыльникам. «...В доме Семена Баландина не живут маленькие серые мыши: им нечего есть...» В выжженной алкоголем душе его не осталось ничего человеческого, и это он сам, безвольный, слабый человек, повинен в том, что позволил себе дойти до такого внутреннего опустошения.

Взявшись за одну конкретную тему, Виль Липатов варьирует ее в четырех исследуемых им характерах. Вот перед нами хлопотливый и рассудительный Ванечка Юдин, в прошлом герой-фронтовик. Он и сейчас еще нет-нет да и размечтается о том, как бросит пить, как поедет на рыбалку. Однако пагубная привычка берет свое, и вот уже опьянение выносит наружу все мелкое и злобное, что таится в глубине его сердца, вот уже следы тяжелых ран на его теле становятся для него лишь основанием и оправданием пьяной истерики, и идет Ванечка Юдин скандалить по ночному поселку: «Опасный он был, страшный, по-звериному неожиданный...»

Будто бы добреет от выпитой водки обычно хмурый и злой Устин Шемяка, но не доброта это, а тупая бесчувственность, и за спиной у Устина — загубленная молодость его жены, «припадочный сын, зачатый в пьяную ночь... тысячи пропитых рублей... дом без хозяина, дети без отца», а впереди у Устина — неизбежное увольнение из бригады, падение все ниже и ниже.

С тревогой приглядывается автор к самому молодому из этой компании — двадцатидвухлетнему Витьке Малых. Не нашел еще парень себя, всюду он, по собственному признанию, «сбоку припеку», вот и находит себе развлечение в том, чтобы «шакалить» рубли и трешки по поселку да наблюдать пьяные ссоры и примирения.

На крутом берегу Оби стоит Чила-Юл, «на таком веселом месте, что в погожий день все восемьдесят домов казались новенькими, словно сейчас были рублены». Трудовой, здоровой жизнью живут в нем люди — рабочие шпалозавода, замечательные мастера-рамщики. Писатель неустанно подчеркивает, наглядно демонстрирует резкое отличие «знаменитой четверки» от этого полнокровного, солнечного мира: «Серо-темные, качающиеся, они казались движущимся мрачным пятном на чистом и светлом разноцветье воскресного поселка». По-разному глядят на них жители Чила-Юла: кто с любопытством, кто с ужасом, а кто и с жалостью. И вот тут касается автор еще одного важного вопроса. Не один, так другой дает пьяницам то рубль, то стаканчик, порой из сострадания, порой чтоб отвязаться. Что греха таить, наряду с гневным осуждением встречаем мы и подобное попустительство, и против него поднимает свой голос Виль Липатов. Он призывает активно бороться с отвратительным, уродливым явлением, несовместимым с нашей прекрасной действительностью, с самим духом и строем нашего общества.

Как оружие в этой борьбе повесть «Серая мышь» по-настоящему действенна благодаря своим высоким художественным достоинствам. Липатов пишет остро и красочно, метки и неожиданны его иронические эпитеты и сравнения, выразительны и ярки многие очерченные им характеры, живописны и напоены светом пейзажи. Впечатление, производимое повестью, настолько сильно, что вряд ли она оставит равнодушным хотя бы одного читателя.

Н. ЦВЕТКОВА

Виль Липатов. Серая мышь. Повесть. Журнал «Знамя» № 12 за 1970 год.

оживленно болтающих американцев, и впервые после того, как он вышел из квартиры, холодная отрешенность сменилась в нем острой ненавистью. Но он ошибся, это была не Марселла, а другая черноволосая женщина.

Где же искать ее? Может, в гостинице «Георг V»? Но ведь они обязательно поехали бы на такси или взяли машину.

«Я сделал глупость,— подумал Анри.— Надо было разыскать шофера. Несомненно, шофер получил распоряжение подать машину к определенному месту. Но теперь поздно, уже половина девятого. Ну что ж, я найду их в ресторане «Эспланада».

Анри ускорил шаг, время от времени останавливаясь и заглядывая в кафе, мимо которых проходил. Портье упоминал о столике для Горхэма и его гостей. Но перед тем как отправиться в ресторан, они могли договориться с друзьями о встрече в гостинице — либо в своей, либо в какой-нибудь другой,— чтобы выпить по бокалу коктейля. Несомненно, так оно и есть.

Анри свернул на Елисейские поля.

Казалось, здесь, под деревьями, собралась половина жителей Парижа, другая же половина набилась в машины — они буфер к буферу тянулись по улице, иногда отчаянно пытаясь вырваться из общего потока, хотя регулировщики в белых перчатках не менее отчаянно силились сохранять какое-то подобие порядка.

Ресторан «Эспланада», окруженный английским парком, светился среди зелени, подобно сверкающему драгоценному камню. Здесь все напоминало сцену из какого-то помпезного спектакля и все — актеров: модно одетые дамы в ожерельях и мужчины в смокингах, собравшиеся вокруг уставленных серебром столиков, официанты, с почтительным поклоном принимавшие заказы, изысканный метрдотель с неизменной цепью на груди, время от времени величественно проплывавший между столиками.

Анри стоял у входа, в тени высокого кустарника. «Вполне естественно,— думал он, созерцая эту картину,— что Марселла должна умереть в таком окружении. Она продалась за всю эту мишуру, за то, чтобы ужинать тут, сверкая бриллиантовыми серьгами».

Некоторое время он внимательно рассматривал посетителей. Вечер выдался безветренный, деревья словно окаменели. До Анри доносился густой аромат роз. Всего лишь день назад он покупал ей эти цветы... Впрочем, теперь это не имело значения.

Анри снова взглянул на часы. Почти девять. Скоро она придет, и все кончится. Возможно, потом он сможет отдохнуть. К подъезду ресторана подкатил автомобиль, но Марселлы в нем не оказалось. Затем стали подходить другие машины.

Часов около десяти Анри нашел метрдотеля. И снова банкнот, скользнувший из руки в руку, оказал магическое действие. Для господина Горхэма действительно зарезервирован столик, но он не пришел. Администрация держала столик с полчаса, но в конце концов отдала другим посетителям. Мосье может сам убедиться. В такой вечер, как сегодня, столик не может долго стоять незанятым.

Анри резко повернулся и ушел на прежнее место. Возможно, Марселла уже уехала из Парижа? Возможно, ее влияние на мужа столь велико, что он без колебаний пойдет на любую хитрость, на любой трюк, чтобы спасти ее от полиции? Человек, занимающий такое положение, как Горхэм, может, конечно, предпринять энергичные попытки, чтобы оградить жену от судебного преследования, но верно и то, что именно это положение может ему помешать. Так ли он ослеплен своей любовью, что готов ради нее на все? Сомнительно. Скорее всего, он попытается нанять самых дорогих адвокатов, вместо того чтобы разыгрывать детективный фарс с такими мелодраматическими эпизодами, как бегство из гостиницы без багажа, заказ столика в ресторане для отвода глаз, разговор с портье — с той же целью. Могло случиться, что они где-нибудь задержались, Горхэм ведь из тех, кто полагает, что столик в ресторане не посмеют отдать другим, сколько бы он ни отсутствовал.

Горхэмы не появились и к одиннадцати, и Анри понял, что дальше ждать бесполезно. Видимо, они поужинали в другом месте, если ужинали вообще. Но где их искать в бурлящем, праздничном Париже? При мысли, что он не найдет их, Анри охватил почти панический страх. Что тогда сказал портье? Елисейские поля, Новый мост, возможно, Монмартр... Анри чуть не бегом направился к фонтанам на площади Пуа.

Тысячи парижан стекались в тот вечер взглянуть на великолепно освещенные фонтаны, похожие на веера из страусовых перьев. Улицы, ведущие к площади, как и все кафе на ней, были переполнены. Найти в такой толчее нужного человека оказалось бы не легче, чем обнаружить иголку в стоге сена. Однако Анри искал, всматриваясь в каждое женское лицо и пытаясь уловить в гомоне голосов знакомый голос. Прошло немало времени, прежде чем он сумел убедить себя, что Марселлы нет и здесь.

Теперь Анри торопливо направился к Триумфальной арке,— она, казалось, плыла в море света с едва колыхавшимся в неподвижном воздухе трехцветным флагом. Ему все казалось, что Марселла вот только что прошла мимо него, что она появилась в «Эспланаде» минуту спустя после его ухода, пересекла площадь Пуа в двух шагах позади него. Около площади Звезды ему удалось найти такси, но и тут, поставив ногу на подножку, Анри заколебался и стал осматриваться по сторонам.

— Садитесь, садитесь,— занервничал таксист.— Не могу же я ждать всю ночь в этом потоке машин.

— На Новый мост,— попросил Анри.

Фейерверк уже начался. Чуть не до звезд вздымались гигантские золотистые снопы, рассыпаясь пышными, лениво опадающими цветами — голубыми, красными, белыми; с шипением рассерженных змей над головами замершей от восхищения толпы проносились ракеты; образуя причудливые фигуры, в небе проплывали гирлянды разноцветных шаров.

Но Анри не замечал красочного зрелища. Нет, если Марселла и здесь, ему не найти ее в этом огромном скоплении людей. Не поискать ли в соседних переулках или на набережной?..

Позже Анри не мог припомнить, в какие места приводило его непреодолимое желание во что бы то ни стало разыскать Марселлу. В памяти осталось только, как он расплачивался с таксистом, как смотрел с набережной на фейерверк и на игру световых пятен в спокойных водах реки, как в каждой женской головке ему чудилась головка той, кого он искал.

Движение на улицах постепенно затихало. Лишь кое-где под открытым небом под звуки аккордеонов кружились пары. Уже не одна девушка, встретив взгляд Анри, испуганно отворачивалась и спешила затеряться среди других.

В конце концов Анри потерял надежду. Наступил момент, когда он уже не мог бы сказать, куда бредет и зачем. Незадолго до рассвета он оказался на Монмартре. Раскинувшийся внизу город все еще сверкал огнями под затухающими звездами. Здесь, на Монмартре, еще кипело веселье, звуки музыки с трудом пробивались сквозь шарканье ног и взрывы смеха танцующих.

Уже совсем рассвело, потухли огни иллюминации, празднество окончилось. Всю ночь веселился, а теперь спокойно отдыхал под теплыми лучами солнца древний, но всегда прекрасный и всегда юный город. Облокотившись на перила, Анри долго смотрел с Монмартра на серебристые крыши и серебристую реку.

Спустя некоторое время он вернулся на площадь, зашел в кафе, где часто завтракал, и попросил полусонного официанта принести кофе. У забежавшего мальчика-газетчика он купил газету и сразу увидел огромный, кричащий заголовок:

«Виновник массового расстрела в саду ресторана «Каскад» арестован!»

Трясущимися руками Анри положил газету на столик, но тут же снова схватил ее и развернул. В статье на одной из внутренних полос говорилось:

«Огюст Пуссин и его жена во всем признались. Это они сообщили в гестапо подробные сведения о секретном складе оружия в доме у арки Майло и время, когда руководители организаций Сопротивления должны были явиться за ним. Пуссин показал, что он получил эту информацию от некой Марселлы Дювернуа, которая по заданию гестапо проникла в движение Сопротивления, а после войны вышла замуж за американского банкира Томаса Горхэма. Марселла Дювернуа арестована и скоро предстанет перед судом.

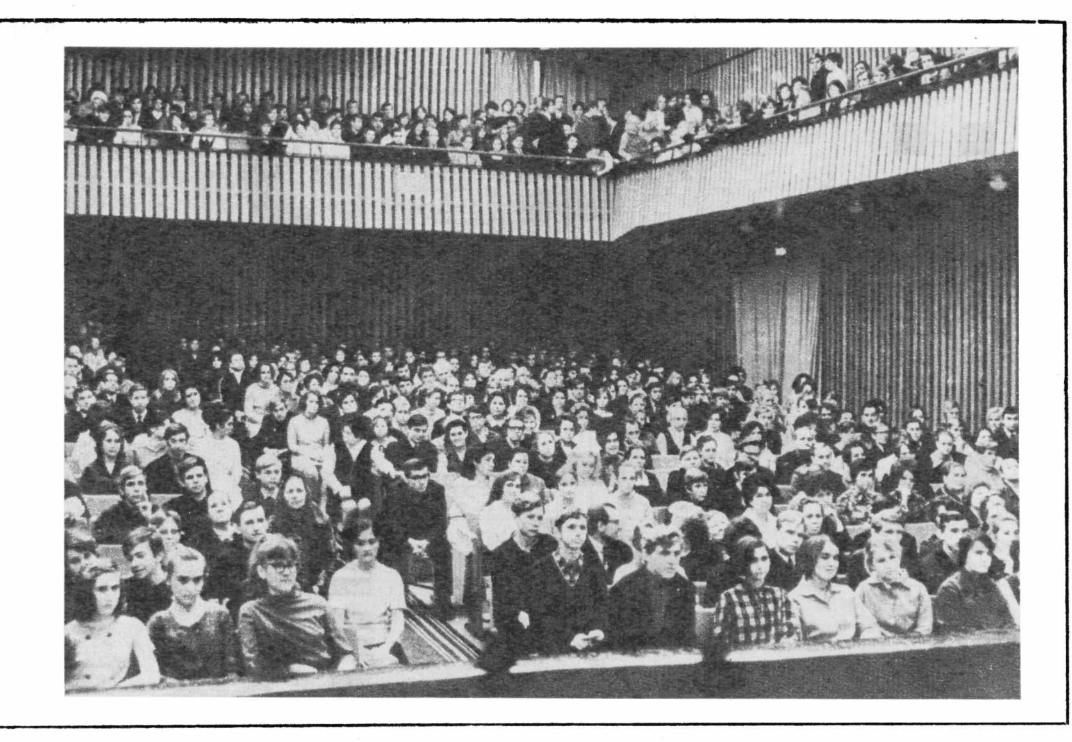
Комиссар полиции Женз, блестяще проявивший себя в расследовании этого дела, несколько раньше уже допрашивал Дювернуа-Горхэм, но остался неудовлетворенным ее объяснениями и распорядился установить за ней тщательное негласное наблюдение. Вчера она была арестована около кафе «Мир», куда приехала с мужем и несколькими друзьями провести вечер и посмотреть фейерверк...»

Анри выпустил газету из рук, и солнечные лучи, проникнув через слегка трепетавшую листву, запрыгали по беспорядочно разлетевшимся страницам. Из кафе вышли трое молодых людей и принялись старательно подметать площадь.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

Повесть опубликована в журнальном варианте.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В гостях у молодежи подмосковного города Дубна побывали авторы и работники журнала «Огонек». Встречу открыл заместитель главного редактора Б. Иванов.

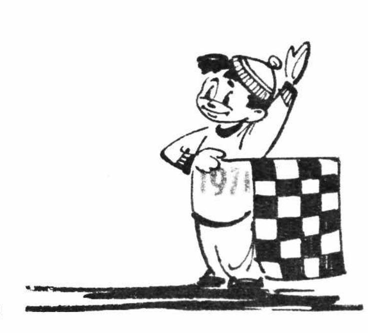
О журналистской работе, о творческих поисках рассказали корреспонденты Ю. Кривоносов, Г. Копосов, М. Хромченко.

Редактор военно-патриотического отдела Герой Советского Союза В. Павлов поделился воспоминаниями о военных годах, о друзьях-партизанах.

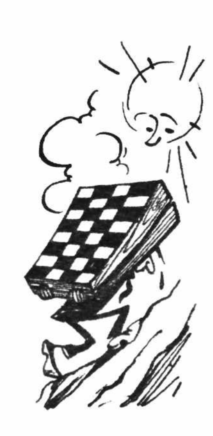
Поэты О. Зверев и И. Савельев прочитали свои стихи.

Во встрече приняли участие композитор В. Овчинников, сотрудники редакции: Н. Алексеева, А. Бочинин, И. Михайлин, Л. Мурашова.

«ВОСЕМЬ ПРЕТЕНДЕНТОВ— ОДИН Я»

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Когда человек отправляется на курорт, то надеется там загореть, отдохнуть, успокоить нервную систему. Для 24 шахматистов межзональный турнир на острове Мальорка был не курортом, а, наоборот, нервотрепкой в течение 35 дней. Не все участники выдержали напряжение, и нервы у многих сдали уже в первой половине турнира, а кое у кого на финише.

Что Роберт Фишер попадет в шестерку, не вызывало сомнений. Он мог не попасть лишь в одном случае: если бы выбыл из турнира, как это он сделал три года тому назад в Тунисе. На сей раз честолюбивый американец заявил, что его устраивает лишь одно место — первое. И он сдержал свое слово. Удивляет лишь одно, с какой легкостью, с каким отрывом (3,5 очка!). В каждой партии, с кем бы он ни играл, Фишер стремился к победе, и среди его 15 жертв — 10 гроссмейстеров. Великолепный результат!

Как и следовало ожидать, в турнир претендентов попал и Б. Ларсен, но если бы до начала турнира был организован тотализатор, то никто не угадал бы имен четырех других счастливцев, главным образом из-за сенсационных результатов одного шахматиста. Когда в первом туре Роберт Фишер не смог одолеть Роберта Хюбнера, то ничейный результат этой партии был встречен иронической улыбкой, обращенной в адрес американского Роберта: «Подумайте, Фишер не мог выиграть у какого-то Хюбнера!»

И вот этот «какой-то» Хюбнер оказался крупнейшей сенсацией шахматного года. На олимпиаде в Зигене он не вошел в состав сборной ФРГ, а тут, на острове Мальорка, стал гроссмейстером и одним из претендентов на первенство мира. Успех Р. Хюбнера напоминает появление на шахматном небосклоне Г. Пильсбери. На турнире в Гастингсе в 1895 году он занял первое место впереди Ласкера и Стейница.

Попал в заветную шестерку еще один немецкий шахматист, В. Ульман из ГДР. Он провел турнир неровно, но энергично. На финише потерпел два поражения подряд, но зато выиграл две последние партии и благополучно закончил турнир. А как наш советский квартет? Для того, чтобы сделать точные выводы, необходимо изучить сыгранные партии. Опытный Е. Геллер сыграл спокойнее, увереннее других, и его график редко нарушался. Куда больше переживаний было у остальных наших гроссмейстеров. Марк Тайманов не отрицает, что за последние 17 лет он ни разу так не волновался, как на этот раз. Однако характерный для него оптимизм не покинул его в трудные минуты. В 37-м чемпионате СССР Тайманов в последнем туре выиграл головокружительную партию у А. Лутикова, что обеспечило ему билет на Мальорку. На острове Мальорка Тайманов обязан был победить в последнем туре М. Матуловича. И снова удача.

— Итак, восемь претендентов — один я! — говорит Борис Спасский. Кое-что чемпиону мира стало яснее, а через несколько месяцев гадать ему будет еще легче.

Шансы в этих матчах уже начали обсуждаться в кулуарах, в печати. Кое-кто полагает, что повезло Петросяну, ибо ему попался вроде самый неопытный — Р. Хюбнер. Но экс-чемпиону мира придется сражаться с открытием 1970 шахматного года!

Есть два претендента, которые недовольны итогом жеребьевки,— Е. Геллер и В. Корчной. Геллер для Корчного самый неудобный соперник, как доказано в практике. Корчной шутит: надеюсь, что и я для Геллера не очень удобный шахматист.

Шутит и Тайманов. Он говорит, что многие зря высказывают ему уже сегодня соболезнования. «Я ведь еще до жеребьевки заявил, что не возражаю против встречи именно с Фишером»,— говорит он.

Нам кажется, что Тайманову как раз повезло. Если он сумеет решить «проблему Фишер», то сразу станет героем шахматного 1971 года.

А пока 1970 год в цейтноте. Стрелки «на флажке», как говорят шахматисты. С наступающим Новым годом, дорогие любители шахмат!

СОЮЗ ПЕРА И КОЛОСА

Кто не слышал о гигантском зерносовхозе, раскинувшемся на просторах сальских степей?! История «Гиганта» началась сорок два года назад. Есть в этой истории памятная литературная страница, особенно дорогая для гигантовцев.

Летом 1929 года в только что созданный совхоз приехал Алексей Максимович Горький. Взволнованно ходил великий пролетарский писатель по молодому степному поселку. Любовно вглядывался во все, что здесь зарождалось, высказывал рабочим самые добрые пожелания. Алексей Максимович принял участие в закладке Дворца культуры и средней школы.

Прошли десятилетия. Совхоз расцвел, прочно стал на ноги. Нынешний годовой доход «Гиганта» — восемь миллионов рублей. За советом и опытом к гигантовцам теперь приезжают хлеборобы не только со всех концов нашей страны, но, пожалуй, со всех материков Земли.

Школа и Дворец, к созданию которых приложил руку А. М. Горький, носят имя писателя. За сорок с лишним лет в прославленном хозяйстве побывали многие литераторы, о людях совхоза написаны повести, пьесы, очерки, стихи.

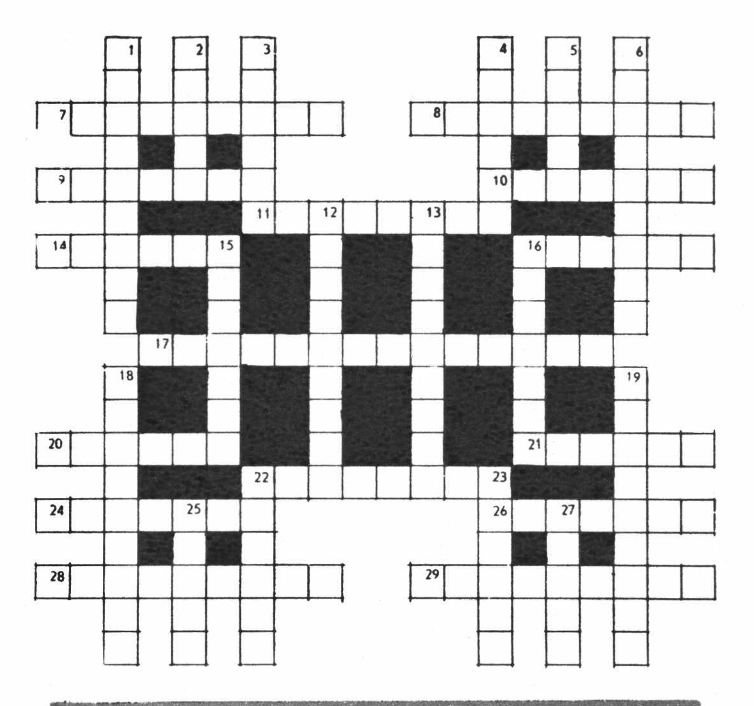
В прошлом году общественность «Гиганта» и соседнего, известного на Дону конезавода имени С. Буденного учредила литературную премию «Сальский колос» за лучшее художественное произведение донских писателей о тружениках села. Первая премия — тысяча рублей, вторая — пятьсот.

Конкурс «Сальский колос» привлек внимание многих литераторов. Выдвинутые на соискание премии произведения широко обсуждались земледельцами Сальского района. В сорока читательских конференциях участвовало более шести тысяч сельских тружеников. Они, читатели, и определили победителей. Ими стали ростовский писатель Александр Бахарев, удостоенный первой премии за роман «Человек прячет глаза», и местная журналистка Янина Бахарь, получившая вторую премию за книгу очерков «Люди «Гиганта». Поощрительными дипломами и денежными премиями награждены молодой писатель из шолоховской станицы Вешенская Евгений Меженый — за повесть «Горько пахнет чабрец» и ростовский писатель Гавриил Колесников — за очерки о сальских колхозниках.

Недавно в совхозном Дворце культуры имени А. М. Горького состоялось торжественное вручение премий. Первых лауреатов «Сальского колоса» сердечно поздравили секретарь Сальского райкома КПСС, председатель жюри В. Пономарев, директор совхоза «Гигант» Д. Ангельев, секретарь парткома конезавода имени С. Буденного В. Пелипенко, преподаватель сельскохозяйственного техникума М. Никулина, заведующий отделом культуры Ростовского обкома КПСС Н. Шкиль.

Лауреатов и всех участников конкурса «Сальский колос» тепло поздравил телеграммой секретариат Союза писателей Российской Федерации.

М. АНДРИАСОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 8. Административный центр на острове Хонсю в Японии. 9. Пьеса с певучей мелодией. 10. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гаграми. 11. Сатирический журнал. 14. Эластичный материал. 16. Озеро в Прикаспийской низменности. 17. Призма, основанием которой служит параллелограмм. 20. Воинское звание. 21. Молочный продукт. 22. Баллада В. А. Жуковского. 24. Оливковое дерево. 26. Промышленное предприятие. 28. Прибор для измерения электрического напряжения. 29. Система счисления времени.

По вертикали: 1. Курорт в Ставропольском крае. 2. Злак. 3. Хищное млекопитающее рода лисиц. 4. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 5. Предмет косметики. 6. Боец, сражавшийся на цирковой арене в Древнем Риме. 12. Войсковое подразделение. 13. Персонаж трагедии Шекспира «Отелло». 15. Часть города. 16. Вывоз товаров за границу. 18. Вечнозеленое растение. 19. Отвесная прямая линия. 22. Старая русская мера длины. 23. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 25. Приток Оби. 27. Русский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. «Воскресение». 8. Гафуров. 9. Глазурь. 12. Панас. 14. Мегом. 15. Такса. 16. Каракас. 18. Собинов. 19. Целлулоид. 22. Шаланда. 23. Антенна. 24. Крона. 26. Гоген. 27. «Репка». 30. Серебро. 31. «Сиверко». 32. Бетельгейзе.
По вертикали: 1. Конус. 2. Акробат. 3. Петлица. 4. Линза. 6. Магадан. 7. Армения. 10. Катализатор. 11. «Коробейники». 13. Сказуемое. 17. Среда. 18. Сюита. 20. Саженец. 21. Беседка. 24. Кларнет. 25. Архимед. 28. Песец. 29. Ферзь.

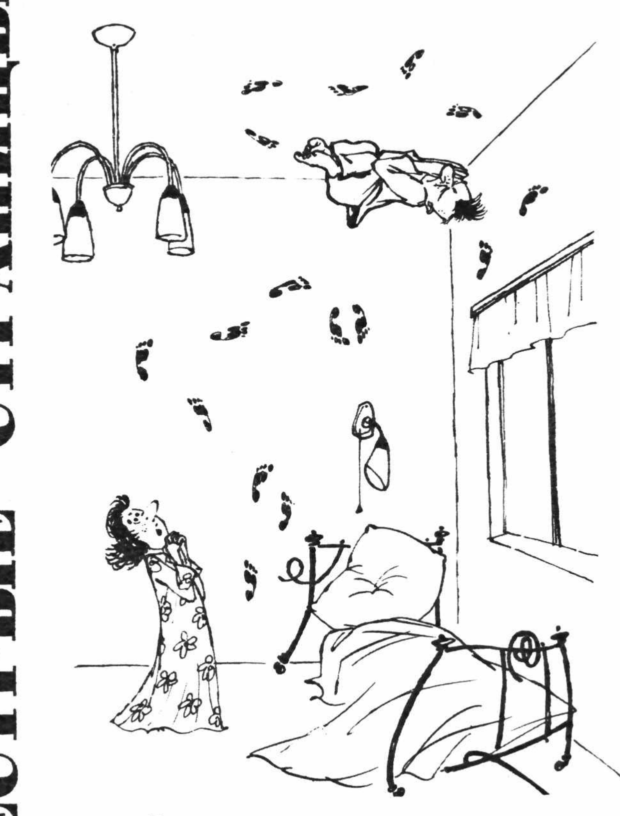
На первой странице обложки: Вера, Надежда, Любовь Копыловы (см. в номере репортаж стр. 18—23).
Фото А. Награльяна.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Семи мужчинам пришлось держать удава, обитателя зоопарка в городе Сент-Пол (США), когда понадобилось измерить его длину.

— Бедняга, его всю ночь мучила зубная боль.

Рисунок А. Алешичева.

ПРИГЛАШЕНИЕ К САМОВАРУ

Хозяйка чайного стола Вера Михайловна Ширяева.

— Ты готов купать Андрюшку?
— Теперь — да.

Рисунок В. Воеводина.

СЕМЕЙНЫЙ КАРАВАН

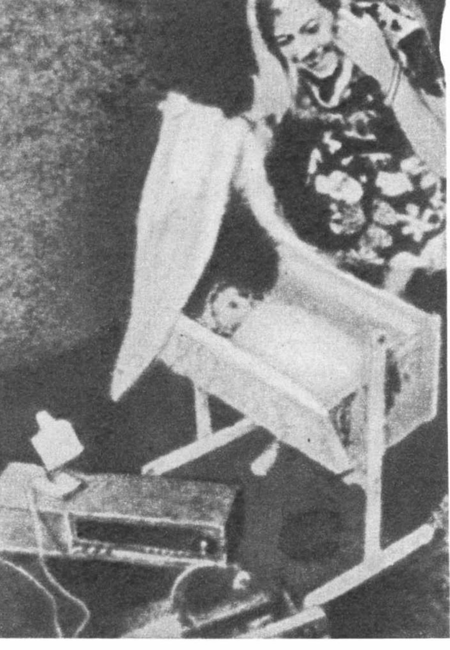
Перед вами семья учителя Киндала из Хаммерфеста (Норвегия). Вот таким образом она путешествует по стране.

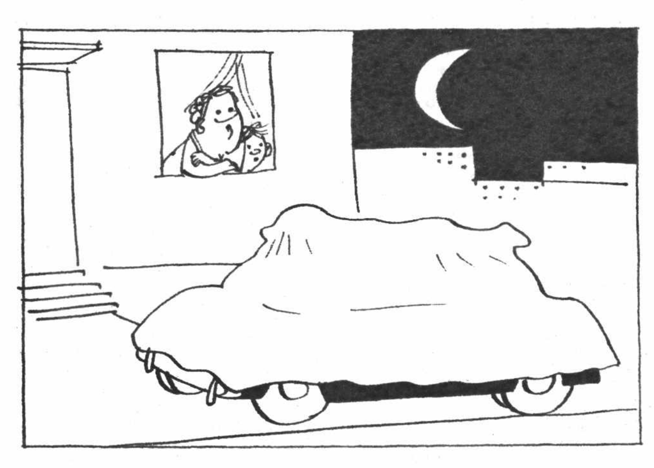
— Я достала чудесные зимние сапожки.

Рисунок В. Тильмана.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ НЯНЯ

На одной выставке в Гамбурге демонстрировался оригинальный автомат. Как только лежащий в кроватке ребенок заплачет, сразу же зажигается ночник, и специальный механизм начинает укачивать малыша, а из радиолы слышится колыбельная песня.

— Отец уже три года вот так машину караулит.

Рисунок В. Воеводина.

С натуры.

Рисунок В. Соловьева.

— К столу я тебя допущу только в двенадцать.

Рисунок В. Тамаева.

К. БАРЫКИН,

И. ТУНКЕЛЬ

Самовар четырехведерный, тульский.

— Специально такой заказывали,— говорит Николай Александрович Андреев, заместитель директора комбината общественного питания подмосковного Зеленограда.— Но не учли, что много будет любителей почаевничать, вот и пришлось расширять его...

Вытащили из него трубу для углей (к чему она в кафе?), поставили электрокипятильник и выкроили на этом еще несколько литров.

Любителей чая в Зеленограде немало. И молодежь захаживает в бар «Русский чай», и пожилой люд идет. Сначала с осторожностью, недоверчиво, а теперь охотно и запросто.

Стоит большой, гостеприимный самовар. Пыхтит, отфыркивается, пускает в потолок клубы белого пара. На конфорке — пузатый чайник для заварки. Все как полагается. Приходят сюда и на скорую руку закусить — чашка чая, пирог или кулебяка. Но больше идут любители неторопливо почаевничать, встретиться с друзьями, потолковать о городских новостях. Хороши тут чаи — и грузинский, и индийский, и краснодарский, и цейлонский. Смесь разных сортов, названная «букетом», тоже отменна. И зеленый есть. И всякую снедь предложат: маковники, коржики, пряники, сушки и баранки...

— С вареньем? — спрашивает хозяйка бара Вера Михайловна Ширяева.— Клубничное или вишневое?

Может, медку? Гречишного или липового? Цветочного? Предложат тут пирог с грибами или с маком, вкусный, как домашний. И в меню не ради красного словца написано — «домашний».

Старое, почти забытое, потерявшее свой начальный смысл выражение — «попить чайку всласть» — приобрело тут подлинное значение.

В любой день можно прийти сюда и попить чайку, поудобнее расположившись на резном стуле, за деревянными, без единого гвоздя сделанными столами.

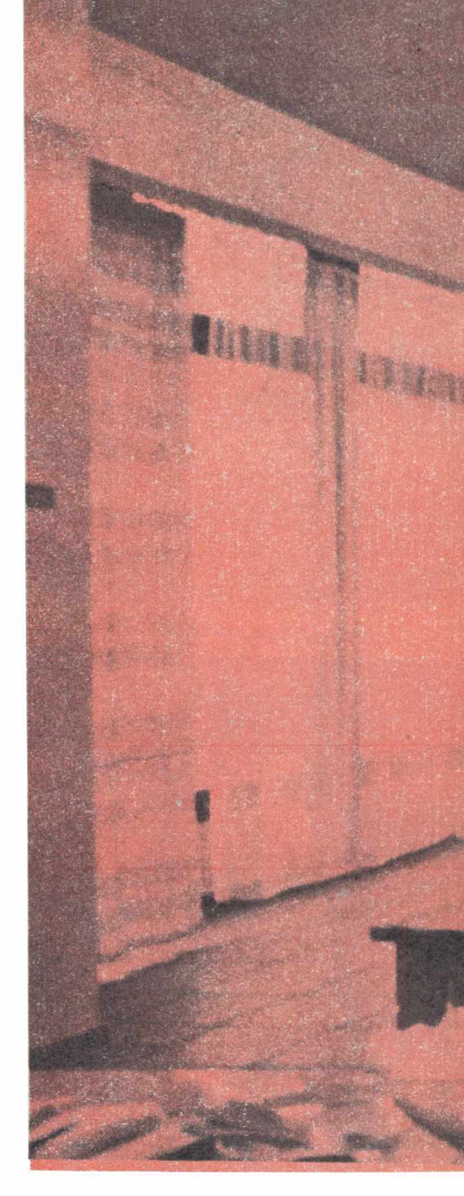
Было же время, когда чаем потчевали на самых высоких приемах, считали (и правильно считали!) его напитком целебным, посвящали ему оды и мадригалы. Долго он был привилегией аристократических салонов, завершал званые обеды. Потом демократизировался, и Россию без чайных представить было невозможно...

Сейчас чай вновь начинает отвоевывать былые позиции, хотя шаги тут пока весьма робки. И успех зеленоградцев надо в какой-то мере отнести и на счет внимания, проявленного руководством Главного управления общественного питания Мосгорисполкома к чайной. Хочется надеяться, что в наступающем году подобных чайных появится много. Мы разделяем оптимизм одного из наших читателей, москвича М. Кустова: «Когда анализируешь положение на «чайном фронте», приходишь к выводу, что преграды, которые так долго стояли на пути настоящих чайных, искусственны».

Говорили: «Не пойдут в чайные!» А вот открыли чайную — идут! Говорили: «Невыгодное дело — чайные». Мы спросили Тамару Яковлевну Шугаеву, заместителя директора ресторана «Русский лес», ресторана, опекающего чайный бар, поставляющего сюда изделия своего кондитерского цеха, какова выручка. Отвечает: «Ежедневно не менее 100—120 рублей».

Посчитайте, сколько надо продать чашек чая, по четыре копейки каждая, чтобы набрать такую сумму. Приплюсуйте сюда недорогие бублики, крендели, и получится, что выгодное дело — чай, если толково обойтись с ним. В той же зеленоградской чайной по пятницам торгуют домашними пирогами и кулебяками на вынос — редко кто уходит без кулька. И получается солидная прибавка к выручке.

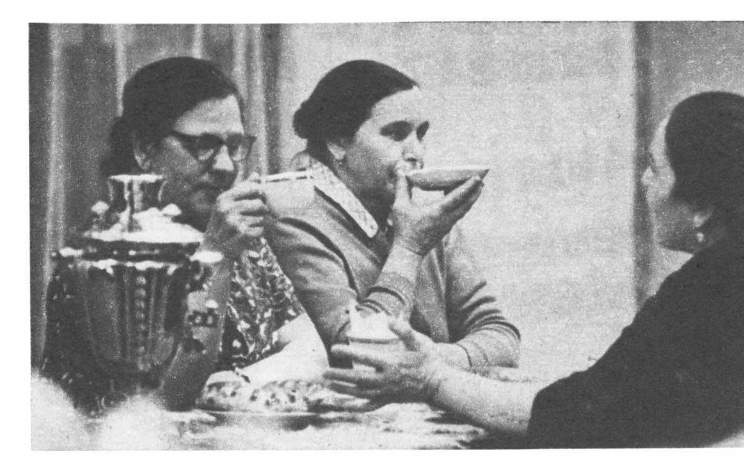
...Пыхтит, отфыркивается самовар на стойке зеленоградского «Русского чая». Очень это гостеприимный, радушный самовар. Как и люди, которые работают здесь.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52; 253-32-45.

Сдано в набор 8/XII-70 г. А 00518. Подп. к печ. 22/XII-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч. изд. л. 11,55. Изд. № 2474. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3471.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

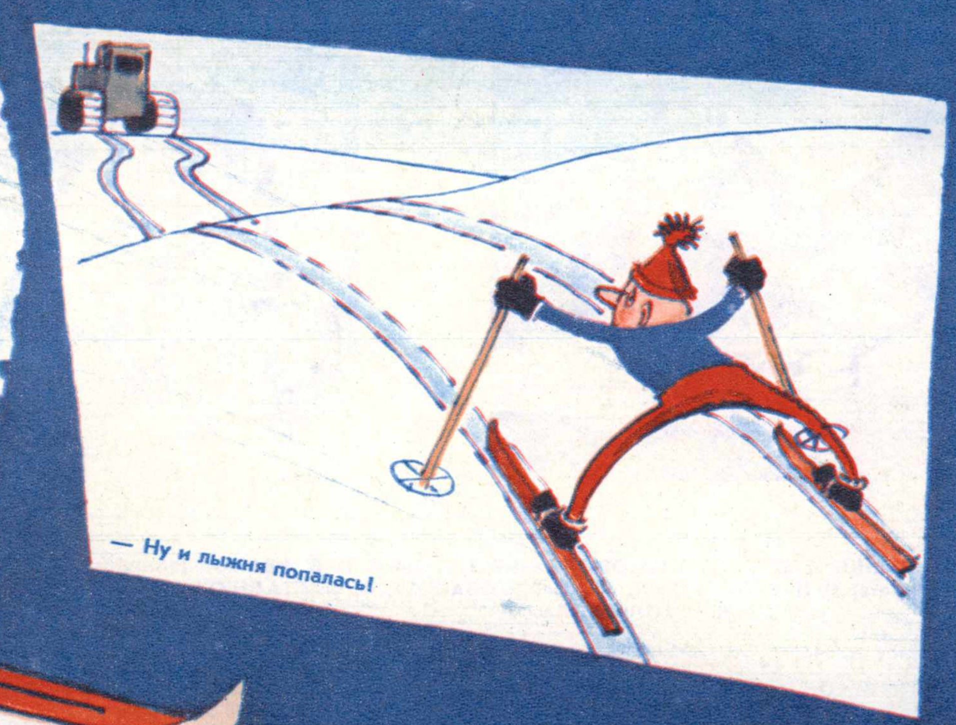

— Кажется, самое страшное позади...

— На этом месте однажды я поймал вот такую...

Только так удалось сдвинуть его с места.

Путаница

— Ну и лыжня попалась!

Главное в скоростном спуске — вовремя затормозить.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.